

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Операция
«Сострадание»

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Операция «Сострадание»

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Операция «Сострадание» / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

Ранним утром в Тропаревском парке возле пруда двумя выстрелами в грудь убит Анатолий Великанов – знаменитый пластический хирург, звезда телевизионного шоу «Неотразимая внешность». Немало находится людей, которым его убийство было выгодно. Но все версии не приносят результата, пока за дело не принимается Турецкий. Он обнаруживает, что у Великанова была тайная, скрытая даже от самых близких людей жизнь...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава первая

Кровь в Тропаревском парке

Середина ноября в Тропаревском парке являла взгляду прозрачность и голизну сквозящих ветвей и стволов, бурые островки последней травы посреди сырой почвы, почернелой и обнаженной. Обегая ежедневным утренним маршрутом дорожки парка и контролируя частоту дыхания, тренер женской сборной Москвы по волейболу и мастер спорта Лев Прокофьевич Никитин впервые за все потраченное сегодня на физкультуру время присмотрелся к окружающему пейзажу. Точнее, он и присмотреться толком не успел, двигаясь в привычном ритме заведенной и хорошо смазанной спортивной машины, как вдруг его выносливое, не тронутое атеросклерозом сердце уколола эта последняя сквозистость. И безнадежность... Что-то невероятно раннее и ранящее проступало в белесости затянутого облаками неба, помноженного на такой же белесый, уже развеивающийся в сырых прогалинах туман, что-то подчиненное распаду и покорно идущее на смерть. Хотя вообще-то Лев Прокофьевич не находил в смерти ничего красивого: совсем недавно, меньше месяца назад, он присутствовал на похоронах старого друга, чемпиона мира по футболу, и был неприятно поражен пластмассовой гладкостью его прежде морщинистого, но румяного и бодрого, привлекательного своей энергичностью лица... Но природа – совсем не то, что мы, люди: даже умирание ее украшает. Золотая осень миновала, отлетела разноцветными листьями, но и эта поздняя безлистная осень показала Льву Прокофьевичу куда как хороша. Он назвал бы ее бронзовой осенью: отчасти за некоторую второсортность по сравнению с золотой, но прежде всего за бронзовый оттенок скульптурной изящности ветвей, который под листвой не заметен, а сейчас как раз его пора прорисовывать. Недолго продлится и этот печальный вид: за бронзовой, вопреки спортивной градации медалей, настанет время серебряной осени – это в самом конце ноября, когда деревья укутаются в пухлую посеребренную снежную вату и так уже и останутся до весны...

– Помогите! Кто-нибудь! Ну стойте же! Стойте!

От поэтических мыслей на тему природы Льва Прокофьевича отвлек препротивный, писклявый и капризный голос. Такой голосок должен принадлежать тощей, рыжей, малокровной и голенастой девчонке в очках, а достался – что делало его еще противнее – пенсионного возраста особе, похожей на ком теста, который с трудом втиснули соответственно погоде в серо-зеленый драповый балахон. Ком теста звался Натальей Венедиктовной Панченко, как то было известно Льву Прокофьевичу по опыту прежних столкновений. Столкновений – в буквальном смысле слова... Дело в том, что единственной радостью на склоне лет и светом очей Натальи Панченко была собака, спаниель по кличке Аврора. «Сука!» – это наименование половой принадлежности Авроры служило еще и ругательством у любителей утренних пробежек по Тропаревскому парку в те животрепещущие моменты, когда очаровательная собачка, взмахивая черными ушками, с истошным тьяканьем неслась за бегунами, намереваясь тяпнуть за икру. В азарте погони она то и дело попадала кому-нибудь под ноги, в результате чего принималась визжать, будто ее ткнули ножом. На визг прикатывалась хозяйка и, выхватывая свое сокровище из-под чужих ног, принималась честить на все корки тех, кто носится как угорелый по паркам, будто стадионов для них нет, только порядочных собак пугают, и так далее, и тому подобное... Попытки наладить мирное взаимопонимание (в процессе которых Никитин узнал имя, отчество и фамилию Аврориной хозяйки) неизменно терпели провал. Было время, когда Лев Прокофьевич, человек, по существу, не злой и любящий животных, серьезно задумывался по поводу знаменательного совпадения: визгливая Аврора принадлежит к той же породе, что и всем известная с детства Муму. А что, Тропаревский пруд, между прочим, рядом... Но до жестокого обращения с животным дело не дошло: Аврора повзрослела,

в ее собачьей жизни появились другие увлечения и развлечения, помимо кусания бегунов, и больше не надо было готовиться к стычке, уловив краем глаза на ближайшей дорожке или лужайке что-то черно-белое и лохматое. Видя, что сокровищу больше ничто не угрожает, и Панченко стала вести себя потише, хотя по-прежнему провожала бегунов неодобрительными взглядами из-под полей розовой крапчатой шляпки, похожей на созревший мухомор. Лев Прокофьевич изредка здоровался с ней на бегу – какая ни есть, она все-таки женщина. Может быть, поэтому она к нему и обратилась?

– Стойте! О... чень... вас... про... шу...

Панченко отстала от тренированного Льва Прокофьевича на полметра, но с одышливым упорством продолжала ковылять следом, и было бы, право, уж чересчур жестоко не остановиться и не спросить:

– В чем дело, Наталья Венедиктовна?

Неуместно намалеванный карминовой помадой рот скривился на сторону, вислые мешочки щек мокры – от пота? От слез? Лев Прокофьевич плохо знал Панченко, но до сих пор полагал, что такие сильные эмоции у нее способны вызвать лишь что-то связанное с Авророй. Аврора попала под машину, или застряла в развилке дерева, или нашелся благодетель человечества, который наконец-то показал Авроре, где раки зимуют, внушив ей простую мысль, что лаять без толку на всех подряд нехорошо, за это можно по морде схлопотать... Но Аврора послушно трюхала рядом с хозяйкой на поводке, и выражение черно-белой морды было непривычно задумчивое и чуть обиженное; Лев Прокофьевич даже сказал бы – угнетенное. Так выглядят избалованные дети, когда выпадают вдруг из центра внимания, то есть родителям, попросту говоря, не до них.

– Там... на берегу пруда... поймите меня правильно... я проходила мимо... там – голый мужчина!

– Голый мужчина? – повторил Лев Прокофьевич. – Что он там делает?

– Ничего... Лежит... Я подумала, нужна чья-то помощь... Я не врач...

– Наталья Венедиктовна, так и я не врач, – вздохнул Лев Прокофьевич, коря себя за доброту и всеми фибрами души ощущая, что вляпывается в какие-то неприятности. Вот тебе и утренняя зарядка, источник здоровья! – Ну пойдемте, посмотрим на вашего голого мужчину.

– Только вы... не так быстро... я за вами не успеваю!

Мысль, что неожиданная собеседница может выдать недостоверный факт, ни на минуту не пришла Никитину в голову: может быть, Панченко и не выглядела кладезем ума, но и сумасшедшей она не была, это уж сто пудов. Кроме того, пруд в Тропаревском парке служил пристанищем «моржей», бултыхавшихся в этом водоемчике с топким илистым дном круглогорично... На эту отважную публику даже Лев Прокофьевич, не прекращавший пробежек и в двадцатипятиградусный мороз, взирал с дрожью. Он готов был допустить, что какому-то любителю моржевания резко поплохело с сердцем из-за разницы температур. Может, стал вдобавок тонуть, воды наглотался... Это ничего, с этим Лев Прокофьевич справится. Медицинского образования он не имел, но, согласно тренерским обязанностям, владел навыками оказания первой медицинской помощи. Ну, там дыхание «рот в рот» и «рот в нос», непрямой массаж сердца... Пока что, тьфу-тьфу, пользоваться не приходилось.

Одного взгляда на распростертую на сером песчаном, сцементированном от холода берегу пруда фигуру хватило Никитину, чтобы понять, что его навыки оказания первой помощи останутся без употребления. Если по порядку, лежащего на спине в неожиданно мирной, сонной позе мужчину нельзя было в строгом смысле слова назвать голым, так как на нем были плавки – символические, веревочно-сетчатые, но главную примету, что отличает мужчину от женщины, они все-таки прикрывали. Плавки были сухими, значит, окунуться в пруд их обладатель так и не успел. О том же свидетельствовал нетронутый край полотенца, высывающийся из полиэтиленового пакета, который валялся поодаль на берегу.

Все это Никитин отметил как бы боковым зрением, не сосредоточиваясь на деталях. Осознал же их значение он лишь некоторое время спустя. Его внимание сразу привлекло неровное отверстие в гладкой, белой, поросшей курчавыми рыжеватыми волосками груди. И темнеющие, загустевающие, из алых становящиеся багровыми потеки. На коже, на песке, в складках пакета...

– Ничего не трогать! – громко скомандовал Лев Прокофьевич не только Наталье Венедиктовне, но и своим привлеченным криками товарищам по утренним пробежкам, которые начали подтягиваться к пруду. – Срочно вызывайте милицию! Отойдите подальше... А ну, кому я сказал! Все отошли, сейчас же! Собак убрать!

Наталья Венедиктовна резко дернула за поводок Аврору, которая потянулась было обнюхать кровь, и собачка взволнованно вякнула, пораженная таким неласковым обращением. В другое время Лев Прокофьевич испытал бы удовлетворение от маленького возмездия, неожиданно настигшего эту избалованную шавку, однако по сравнению с тем, что случилось, давние неприязни отодвинулись на задний план. Дважды за это воскресное утро Никитин предался мыслям о смерти, но если в первый раз смерть посылала ему издали воздушные поцелуи, застенчиво показывая свое костяное безносое личико из-за полупрозрачных деревьев, тронутых поздней осенью, то сейчас она выскочила прямо на него, чтобы предстать во всей своей наготе... Да, именно во всей наготе, как бы кощунственно по отношению к покойному это ни прозвучало.

Спустя пятьдесят минут Лев Прокофьевич четко и деловито давал показания дежурной оперативно-следственной группе ГУВД Москвы и Московской горпрокуратуры, а в частности явившемуся в ее составе на место преступления следователю Вениамину Васину:

– Да, я был знаком с убитым. Знакомство, правда, шапочное: просто живем в одном доме. То есть жили... Частенько он в Тропаревском парке бегал, а после пробежек моржевал... Хирург он пластический, Великанов Анатолий Валентинович.

Дежурный следователь прокуратуры, юрист третьего класса Вениамин Васин – милейший и покладистый в быту человек, исполнительный работник – знал за собой лишь один крупный недостаток: застенчивость. Однако этот минус в характере человека, обычно простибельный и даже отчасти симпатичный, грозил свести на нет все положительные профессиональные качества следователя и поставить едва начинающуюся васинскую карьеру под удар.

А попробуйте тут не застесняться, попробуйте остаться активным и напористым в присутствии такого количества генералитета! Едва было сообщено об убийстве Великанова, из ведущих оперативных ведомств налетело в Тропаревский парк начальства, словно ос на варенье. Васин, не смея открыть рот, недоумевал про себя, почему убийство врача, пусть даже суперизвестного, вызвало такой наплыв властей. Генералы из ФСБ, МВД и Генпрокуратуры вели себя так, будто собрались на светскую тусовку: улыбались друг другу, здоровались за руку, обсуждали какие-то сложные взаимоотношения между неведомыми Васину, но, несомненно, могущественными фигурами, беззастенчиво разгуливали по берегу пруда, словно по паркету, затирая модными ботинками следы, которые не успели затоптать кроссовками утренние физкультурники. Веня дважды порывался сделать им замечание, но не посмел: на фоне своих прокурорских начальников и чужих милицейско-фээсбэшных генералов этот subtilный блондинчик выглядел мальчуганом-сиротой, который по ошибке попал вместо новогодней елки на вечеринку для взрослых.

– А вы работайте, молодой человек, работайте, – барственно дозволил Вене Васину важный фээсбэшник и тут же продолжил беседу со своим коллегой, надвигаясь на него черчиллевским животом. – Ну, я всегда утверждал, что неравные браки добром не кончаются. И, понимаешь, как в воду глядел! Каков он ни будь, этот Великанов, хоть самый распереталантливый

хирург, но Ксения Маврина – не для него девушка. Да к тому же на роль второй жены... Как только это дозволил Михаил Олегович, совершенно не понимаю!

Густо краснея и до боли отчетливо ощущая свои несолидные двадцать пять лет и юношеские прыщи на щеках, Веня, однако, отметил, что причина прибытия на место происшествия московского начальства проясняется. Для этого не обязательно даже быть знатоком московского бомонда, достаточно, по крайней мере, изредка смотреть телевизор. Михаил Олегович Маврин, бывший председатель российского правительства, хоть и пребывал ныне в отставке, оставался все же очень влиятельной фигурой на политической сцене. Вот, значит, как: погибший пластический хирург был женат на его дочери, Ксении Михайловне Мавриной, а следовательно, высокопоставленный тесть способен поставить на уши и МВД, и ФСБ, и прокуратуру, чтобы они достали убийцу из-под земли! Не то доченька будет очень-очень недовольна...

Тем не менее, если Веня Васин безотлагательно не примется за дело, спасая остатки вещественных доказательств, установить убийцу не в состоянии будет и сам Шерлок Холмс, пусть даже Михаилу Олеговичу Маврину с помощью старых связей удастся вызвать великого сыщика из небытия. Обшаривая место происшествия вместе с оперативниками, Васин сразу обнаружил возле трупа гильзу от пистолета Макарова. Очевидно, от слепого ранения в грудную клетку из ПМ Великанов скончался на месте... Упрятав гильзу в полиэтиленовый пакетик, Васин продолжил осмотр. Его упорство было вознаграждено: вскоре он наткнулся на валявшуюся чуть поодаль пулю... от другого пистолета, но не от ПМ. Происхождение этой пули сразу поставило юриста третьего класса Васина в тупик. Откуда эта пуля здесь взялась? Может, выронил киллер? Значит, у него был и второй пистолет, иной марки?

Долго теряться в догадках относительно происхождения пули Васину не позволяло поджимавшее время. Труп был совсем свежий: Наталья Панченко обнаружила его, как видно, сразу после выстрела. Судя по тому, что Тропаревский парк не содержит дорог, пригодных для проезда машин, а представляет собой, соответственно названию, подобие сада расходящихся тропок, подобраться к пруду киллер мог только на своих двоих. Точно так же, пешочком, уматывал он, оставив на берегу бездыханное тело. Скорее! Милицейская ищейка еще может взять след!

Восточноевропейская овчарка по кличке Этна представляла собой совершенно другой собачий тип, чем упоминавшаяся ранее Аврора. Если Аврора походила на легкомысленную красотку, которая прет по жизни напролом, не считаясь ни с чем, кроме собственных прихотей, то из Этны, если превратить ее в человека, получилась бы девушка-клерк – серенькая, неприметная трудяга, склонная компенсировать недостаток способностей избытком прилежания. От природы робкая, вечно в сомнениях, все ли она сделала так, как надо, и справится ли она с заданием, которое ей собираются поручить. Об этом красноречиво говорили ее кроткие, вопросительно устремленные на инструктора по работе со служебно-розыскными собаками глаза.

– Ищи, Этна, – поощрил подопечную инструктор.

Овчарка послушно уткнулась влажным носом в подмороженную почву Тропаревского парка. Первый десяток метров она бежала бодро и уверенно, как если бы сотканный из воздуха образ преступника зримо несли перед ней. Однако возле группы фээсбэшного начальства Этна притормозила: надо полагать, выделить запах убийцы из такого количества свежих запахов представлялось нелегким заданием. Чуть помедлив и проведя аналитическую работу (если можно применить это слово к процессам, которые варилась в собачьей голове), Этна снова тронулась дальше, но уже не так быстро. Как на грех, по пути следования Этна постоянно натывалась на кого-нибудь из генералов, и с каждым разом обилие посторонних ароматов, среди которых лидировали дорогие мужские парфюмы, все больше и больше подрывало ее и без того невеликую уверенность в себе...

Кончилось тем, что при выходе из Тропаревского парка следы киллера затерялись. Доказательством этого стало виноватое поскуливание неудачницы-ищейки.

«Родственная душа, – в тоске подумал Веня Васин, едва удерживаясь от желания погладить Этну между прижатými черными треугольными ушками. – Я бы сейчас и сам заскулил».

Высшие чины о Васине попросту забыли. От него не ждали сногшибательных прорывов в следствии. Зачем? Генералы уже сошлись во мнениях: гибель Великанова, несомненно, связана с конкуренцией на поприще пластической хирургии. Убийственная красота чревата убийствами – так рассуждали они.

... – Понимаете, Гавриил Михайлович, – нудно и неуверенно оправдывался Веня, – они с самого начала так натоптали на месте преступления, мешали собирать вещественные доказательства... Ну а потом, конечно, было уже поздно...

Прокурор Москвы, государственный советник юстиции второго класса Гавриил Михайлович Афанасьев откинулся на спинку служебного кресла, смягченную повешенным на нее пиджаком, и, прищурясь, посмотрел на следователя Васина. Точнее, сквозь него – на выразительную картинку осмотра места происшествия в присутствии генералитета, которую Васин только что ему изобразил.

«Эх, Веня, голубь ты мой сизокрылый, что ж ты робкий такой уродился? Если начальства трусишь, как же тебя на преступников выпускать?»

Гавриил Михайлович понимал в глубине души, что несправедлив: самый храбрый милиционер может робеть в присутствии начальства. (Так же, как бояться стоматологов.) Однако он отдавал себе отчет и в том, что бросать ранимого следователя Веню Васина в дело, предположительно кишашее интересами о-очень крупного начальства и бизнеса, – все равно что в бассейн с акулами. Схрупают и косточек не оставят. А кто убил Великанова, так и останется неизвестным.

– Ну вот что, Васин, – обратился прокурор Москвы к следователю с покровительственной лаской, точно директор школы к ученику, – ты молодой, умный, у тебя еще на служебном поприще встретится сто возможностей проявить себя. А дело об убийстве Великанова давай-ка поручим нашему опытному, можно сказать, матерому сотруднику...

Васин понурил голову. «Так я и знал, что со мной никто не будет считаться», – прочитывалось на его закрасневшемся, опущенном вниз лице...

– Георгию Яковлевичу Глебову, – проявив максимум дипломатии, со скрытым торжеством закончил Гавриил Михайлович. – Очень прошу тебя, Васин, уступи. Сам знаешь, раскрутиться надо человеку. У тебя все впереди, а в его возрасте нельзя ждать милостей от природы... то есть... одним словом, ты меня прекрасно понял.

Лицо Вени прояснилось. Ему предлагали проявить благородство! Ему предлагали уступить не из-за того, что он не справится с делом (даже если это в действительности так), а для того чтобы протянуть руку помощи старшему следователю по особо важным делам советнику юстиции Георгию Яковлевичу Глебову, о проблемах которого было известно всей Мосгорпрокуратуре. Да пожалуйста! Да с превеликим удовольствием! Только намекните, Веня готов помочь...

Глебов, неторопливый коренастый мужчина с продолговатым, длинноносым и смуглым, как бы вырубленным из камня на знаменитом своими идолами острове Пасхи лицом, служил в Управлении по расследованию бандитизма и убийств Мосгорпрокуратуры; отличаясь мертвой хваткой и безошибочной интуицией, он закончил не один десяток особо сложных и важных дел. И однако же, при всех заслугах и выслугах, получив классный чин советника юстиции, Жора прочно застрял в этом звании. Ему никак не присваивали очередного классного чина – старший советник юстиции, – что эквивалентно воинскому званию полковника. А Глебову так хотелось покрасоваться в полковничьем мундире!

Георгия Глебова в Мосгорпрокуратуре так и звали Подполковник. Когда не вспоминали другого, связанного с нелегкими семейными обстоятельствами, прозвища, употребляемого между своими, но звучащего оскорбительно для постороннего слуха. Глебовское неудовлетворенное честолюбие и умение продуктивно работать являлись лучшими рекомендациями, для того чтобы поручить ему дело об убийстве Великанова. Такой, как Глебов, не даст крупным шишкам себя схватить за здорово живешь! Скорее, наоборот: зубами выгрызет из них, кому это убийство было выгодно...

В тот же день утешенный дипломатией прокурора Москвы Веня Васин передал дело Георгию Яковлевичу.

Афанасьев крепко надеялся на бульдожью глебовскую хватку. Но чтобы быть окончательно уверенным в раскрытии этого дела, попросил генерал-полковника милиции Прохорова Владимира Игнатьевича, начальника московского милицейского главка, ГУВД Москвы, оказать самую активную помощь следователю. Генерал Прохоров, в свою очередь, обратился к своему подчиненному, новому начальнику МУРа генерал-майору милиции Владимиру Михайловичу Яковлеву, с тем чтобы подключить к этому делу самых лучших оперов. Ведь после изобличения оборотней в погонах отделы МУРа были переукомплектованы за счет низовых районных подразделений.

Генерал Яковлев раньше был правой рукой Вячеслава Ивановича Грязнова. Он отличался не только кристальной честностью, но и обладал большим опытом, помноженным на редкие способности сыщика угро. Одним словом, прокурорский следователь Глебов мог ожидать серьезной поддержки со стороны Московского уголовного розыска...

Перед прокуратурой и ведомством внутренних дел была поставлена задача раскрытия убийства пластического хирурга Великанова в самые сжатые сроки.

– Какая непристойность, – громко сказала Ирина Генриховна.

Александр Борисович Турецкий, не разделяя пристрастия жены к телевизионным шоу, читал в это время «Совершенно секретно», уютно устроившись в кресле. Вынырнуть из-за газеты и уставиться в телеэкран его заставила только эта реплика и – особенно – прозвучавшее в Иренином голосе отвращение. То и другое было как минимум нетипично для его подруги жизни. Супруги Турецкие – люди не первой молодости, но далекие от старческого брюзжания по поводу развращенности современного мира, а что касается секса, они никогда не были ханжами... Что же это у нас за порнуху крутят в самый прайм-тайм?

Увиденное не показалось Турецкому порнографией. Скорее, фильмом ужасов. На экране старушонке сдирали кожу с лица... Точнее, это в первый момент увиделось неким зверством: Турецкий сразу же понял, что руки в резиновых перчатках принадлежат не маньяку, а хирургу, и страшные на вид инструменты предназначены для спасения, а не истребления жизни. И все-таки – кровь, разрезы, сверкание металла, несчастное уязвимое человеческое лицо... Короче, душераздирающее зрелище.

– Это что такое? – обалдело спросил Турецкий у жены.

– Это передача теперь такая, – пояснила Ирина несколько взвинченно. – Называется «Неотразимая внешность». Пластические операции в прямом эфире. Идея такова, чтобы проследить весь путь человека, который решился на пластическую операцию: от того, что было, до того, что получилось. Ну и, соответственно, со всеми хирургическими этапами... Нравится?

– Бр-р! Но я не понял: непристойность-то в чем?

Против воли Турецкий не мог оторвать взгляд от экрана: страшные и неприятные зрелища обладают неотразимой притягательностью. Как достоверно снято – документально, подрагивающей камерой, никакой глянцево-художественной кинематографичности. Точный расчет! Документальность-то и ценится выше всего. Кому интересно смотреть безупречно срежиссированную сцену секса в голливудском фильме? Скукотища! А незапланированное,

внешне случайное похлопывание по обтянутой джинсами заднице в каком-нибудь зрелище вроде давно почившего «За стеклом» и его ныне живых и размножающихся клонов воспринимается как верх сексуальности...

– А непристойность, Шурик, в том, что происходит окончательное развенчание образа женщины. – Ирина Генриховна резала правду-матку с учительской безапелляционностью. – Началось с рекламы гигиенических прокладок, дезодорантов, средств для удаления волос на ногах – всего, чем женщины пользуются, но предпочитают не афишировать это перед мужчинами. Телевидение как бы говорит подсознанию мужчины: «Все женщины врут, на самом деле они волосатые и вонючие». Ну ладно, допустим, подмышки и прокладки – до всех этих интимностей мужчина добирается не сразу, а постепенно. Но ведь знакомятся люди лицом к лицу! Раньше мужчина имел право думать, что хотя бы черты лица у женщины свои, не купленные за большие деньги в элитной клинике. Так ведь нет, оказывается, и в этом пункте женщины врут: на самом деле они уродливые, только оперированные! «Неотразимая внешность» показывает, что вся красота складывается из кусочков, как мозаика. И очень доступно. Прямо конструктор «Сделай сам»...

– Преувеличиваешь, – скептически отреагировал на тираду жены Александр Борисович. – Женский пол всегда дурил нашего брата с помощью румян, помады, туши, выщипывания бровей и уж я не знаю чего. И ничего, мир не рухнул! И влюбились, и женились, и не слишком даже пугались, обнаружив рядом на подушке с утра пораньше лицо любимой без косметики...

Губы Ирины приняли недовольно-обиженное выражение. Имея многолетний опыт общения с супругой, Турецкий почувствовал нарастание обиды и, отложив газету, переместился из кресла на диван к Ирине, заключил ее в объятия.

– Не бери в голову, Ирка! Это все мелочи... На стадии знакомства, скажем, лицо играет роль, но потом-то становится важно, какие мысли за ним скрываются. Живут-то с человеком, а не с лицом...

И беспокойно добавил:

– А ты что это смотришь такие передачи? Не нацелилась ли сама на пластическую операцию – как ее там, обтяжку?

– Подтяжку, – поправила мужа Ирина и тут же стала оправдываться: – Ничуть я не нацелилась! Просто интересно время от времени...

– Ага. Интересная непристойность.

– При чем тут... – Ирина покраснела. – Просто интересно посмотреть, до чего дошла современная медицина.

И чтобы не вызвать новой волны иронии со стороны мужа, с преувеличенным вниманием уставилась на телеэкрэн.

Душераздирающие кадры операций сменила надпись, не менее душераздирающая: на черном фоне – алые, сочащиеся испугом буквы.

– В связи со смертью звезды нашего шоу, выдающегося пластического хирурга Анатолия Валентиновича Великанова... – Печальный голос стал зачитывать траурный текст.

– Надо же, – Ирина обернулась к мужу, – Великанова убили. У них тут двое хирургов, Великанов и Бабочкин, но Великанов главнее... Ну надо же, поверить не могу: убили!

– Жаль, – с глубоким чувством произнес Турецкий. – Очень, очень жаль!

– Но, Шурик, ты же никогда не смотрел эту передачу!

– Очень жаль, – повторил Турецкий. – Хотел на службе расслабиться, но, видно, не получится. Печенкой своей служебной чувствую, что дело об убийстве этого самого выдающегося пластического хирурга Великанова ляжет ко мне на стол.

Предчувствия не обманули Александра Борисовича. Но прежде чем они воплотились в действительность, много воды утекло...

Глава вторая

Следственная рутина

Любой следователь, приступая к работе, составляет план расследования – разумеется, на основе имеющихся к этому времени материалов. В план включаются как намечаемые версии, так и список самых неотложных следственных мероприятий для проверки этих версий... Не стал исключением и следователь Глебов, который, склонясь над тетрадным листком, разграфленным на клеточки (почему-то именно тетради в клеточку благотворно действовали на его умственные способности со школьных времен), ковырял тыльным концом шариковой ручки подбородок, обсыпанный черными точками пробивающейся щетины – обрастал бородой Георгий Яковлевич быстро и густо... Итак, каковы должны быть первоначальные ходы?

Первым пунктом действий, занесенным в клетчатую тетрадку, стал повторный выезд на место происшествия и принятие всех мер к закреплению доказательств на месте убийства. Выявление очевидцев. Восстановление портрета киллера. По возможности составление словесного портрета и фоторобота подозреваемого. Объявления его в местный и федеральный розыск. Поиск преступника при содействии оперативных служб МВД и ФСБ.

Второе. Следствие всегда интересуют мотивы преступления. В данном случае – это сфера деятельности пластической хирургии в Москве и в России. Плюс конкретная работа потерпевшего Великанова. Здесь и личные и профессиональные связи пластического хирурга. Значит, надлежит тщательно допросить сотрудников клиники, разобраться с клиентами: кто из них был недоволен хирургом? Кто мог заказать и осуществить его убийство?

Для того чтобы выполнить первый и второй пункты, необходимо сделать третье: узнать все о пластическом хирурге Великанове. Но и этого мало... С глубоким утробным вздохом Георгий Яковлевич записал: «Узнать все о пластической хирургии в Москве, Питере и во всей России». Записал и сам испугался: ничего себе работенка ему предстоит! Под силу ли она одному человеку? Ни в коем случае. А значит, для выполнения большого объема работы вместе с прокурором города Глебов должен создать следственно-оперативную группу. В нее Георгий Яковлевич первым делом без колебаний включил молодого следователя прокуратуры Веню Васина, в качестве дежурного следователя производившего осмотр места происшествия. С ним удалось кратко пообщаться: Глебову показалось, паренек неплохой, очень старательный, хотя и больно застенчивый. Его кандидатура не вызвала сомнений.

Кого еще включить в группу? Людей как будто много, а начнешь приглядываться, не знаешь, кого и взять...

Да вот хотя бы капитан милиции Аркадий Силкин. Сообразительный парень, надежный, силач – много времени уделяет физической подготовке. А вдобавок к профессиональным достоинствам Аркадий – широкоплечий, темно-русый, кареглазый красавец с бровями вразлет – производит неотразимое впечатление на женский пол. Это хорошо, это может пригодиться. Ведь кто в основном пользуется услугами пластической хирургии? Бабы, кто ж еще! Чтобы раскалывать этот сложный контингент, Силкин незаменим.

Когда Глебову пришел на ум Силкин, тут же, по ассоциации, не мог он не вспомнить майора милиции Бориса Теплова, с которым Аркадий крепко дружит. Хотя со стороны ему всегда непонятно было: что связывает этих двух столь непохожих людей? В отличие от Силкина, с его накачанными мускулами, Теплов выглядит тюфяком, даже походка какая-то неряшливая: ходит – ногами загребает. Лицо отсутствующее, будто мысли витают за тридевять земель. Однако тем, кто узнает Теплова получше, скоро становится ясно, что на самом деле ни одна подробность не ускользнет от взгляда его обрамленных белыми ресницами глаз. А если Теплов заметил какую-то ценную для следствия деталь – все, сливай воду, туши свет: не уйти пре-

ступнику! Вцепится намертво. Благодаря таким талантам Борис быстро продвигался по служебной лестнице: вот и майора получил в тридцать с небольшим.

Одним словом, Глебов решил привлечь к оперативной работе этих двух оперов МУРа, будучи заранее уверен, что им не придется бездельничать.

...Несмотря на то что Тропаревский парк служит излюбленным местом отдыха многих окрестных жителей, он вовсе не является закрытой зеленой зоной, предназначенной только для избранных. Поэтому появление в нем никому не знакомого мешковатого молодого человека с задумчиво-отсутствующим выражением на лице удивить местных не могло. Что о нем подумали? «Ну вот, еще один вырвался из загазованного центра, чтобы лишний часок подышать свежим воздухом», – примерно таков был ход мыслей тех обитателей Тропарева, которые вообще удостоили своим вниманием эту скромную фигуру.

На самом деле обитатели Тропарева ошибались. Борис Теплов прибыл на место происшествия не по личной, а по служебной надобности. «Нам нужна зацепка на киллера, – напутствовал его следователь Глебов, – найди нам зацепку, я в тебя верю». Без ложной скромности, Теплов и сам верил в себя. В свою дотошность, в свое умение видеть то, что другие не замечают, в свою счастливую звезду, в конце концов... Не может быть, чтобы он не обнаружил зацепку, – даже некоторое время спустя после убийства, когда, казалось бы, все следы должны изгладиться. Ну а если случится так, что не обнаружит, – значит, Веня Васин, которому тоже с этим не повезло, ни в чем не виноват. Оправдать коллегу – тоже ценно. Теплов развивал в себе альтруизм, как бы отвечая на обвинения тех, кто считал его бездушным карьеристом.

Со стороны могло показаться, что мешковатый увалень совершает по парку моцион, стремясь похудеть. В действительности Борис Теплов уже пятый раз проходил маршрутом, которым убийца, согласно данным, установленным с помощью ищейки Этны, покинул место происшествия. Было это утром, часов около восьми. Парк в это время не безлюден, но убийце удалось сделать свое черное дело быстро и чисто, практически бесшумно, не вызвав ни у кого подозрений, не привлекая лишнего внимания. Да-а, очевидно, убийство Великанова было совершено на высоком профессиональном уровне... Версия об убийстве из хулиганских побуждений была отброшена следователем Глебовым практически сразу.

«Искать свидетелей, – отметил про себя Борис Теплов. – Опросить всех жителей окрестных домов».

Дохлый номер! Во-первых, любителей утренних пробежек и прогулок с собаками опросили сразу же – и получили в ответ только то, что никто никого не видел. Во-вторых, в этом районе проживает немало представителей элиты, а они терпеть не могут беспокойства со стороны милиции, пусть даже речь идет о смерти их бывшего собрата. Великанов погиб – ну так что же, а живым надо жить. Если бы речь шла о маньяке, который мог покушаться на их драгоценные жизни, – ну, тогда они расщедрились бы на помощь! Но Великанова, по утвердившимся слухам, убили из-за разборок в сфере пластической хирургии, а это дело частное, а значит, беспокоиться не о чем.

В шестой раз прогулявшись от пруда к выходу из парка, Борис Теплов наконец покинул его пределы.

И тут его поджидало открытие. Точнее, намек на открытие, который мог никуда не привести. А мог дать очень и очень многое... Сразу возле выхода из парка стояла палатка, украшенная изображениями детишек и зверушек, с надписью «Мороженое». За темным окном проглядывалась фигура продавщицы, которая куксилась, свернувшись в три погибели и уткнув нос в воротник зимней куртки, среди своего товара, не пользующегося высоким спросом, когда вокруг и без мороженого жуткая холодрыга.

– Девушка, а девушка, – постучал в окошко Теплов, причем выражение его лица сделалось еще более идиотически-сосредоточенным, чем всегда. Едва девушка, оказавшаяся кита-

янской неопределенного возраста, отворила в ответ на стук окошко, в проем всунулось служебное удостоверение в развернутом виде. Китайка так испугалась, что, неведомо с какой стати, вручила Теплову шоколадный пломбир. Опасаясь обвинений во взяточничестве, деньги за пломбир Теплов тут же отдал и, расспрашивая продавщицу, от какой организации она работает, с которого часа начинается рабочий день и кто ее сменщица, поневоле грыз до такой степени застывший, что почти уже несладкий, мороженный кирпич на шершавой палочке. Никакого удовольствия не получил, только еще сильнее замерз, но это издержки службы, и из-за этого переживать не приходится.

К счастью для майора Теплова, его законное торжество не было омрачено необходимостью предъявлять Глебову свидетельницу, плохо говорящую по-русски. Выяснилось, что в день убийства Великанова в палатке «Мороженое» дежурила продавец-кассир Клавдия Барыгина. Правда, она оказалась еще более робкой и запуганной, чем китайка. Имя «Клавдия Барыгина» приводит на ум огромную толстомясую бабищу с громким голосом и борцовской фигурой, а продавщица мороженого выглядела худой и какой-то захиревшей, как комнатное растение, оставленное без воды. Маленький рост, тощие ручки, тощий пучок волос, собранных на затылке. Глебов обращался к ней ласково, точно к ребенку, и все равно она от каждого его вопроса бледнела, вздрагивала и отвечала с большой задержкой. Присутствовавший при допросе Теплов вспомнил, что, когда он учился в начальной школе, у него в классе была нечто похожая на эту Барыгину Люба Шильнова, которая не могла отвечать у доски – ее буквально парализовывало, и она не в состоянии была издать ни звука. Из-за этой особенности Шильнова постоянно получала плохие отметки. Может быть, Клавдия Барыгина тоже плохо училась и поэтому пошла продавать мороженое?

– Так, значит, вы любите смотреть в окно на рабочем месте? – спрашивает Георгий Яковлевич.

Барыгина посмотрела на него такими расширенными почерневшими глазами, точно ее собираются арестовать за нарушение трудовой дисциплины.

– Не стесняйтесь, – уговаривает ее Глебов. – Это естественно: чем вам еще заниматься... Так смотрели вы в окно или нет?

Поразмыслив, Клавдия робко кивнула.

– И в то утро тоже?

Снова кивок – с задержкой, отсроченный.

– И кого же вы видели?

Клавдия надолго задумалась, глаза ее сделались стылými, как у дохлой рыбины, – точь-в-точь Люба Шильнова у доски. Глебов стал медленно свирепеть, но – профессионал! – стал только внимательнее и ласковее...

В общем, путем нечеловеческих терзаний от Клавдии Барыгиной удалось добиться, что в день убийства она видела молодого, примерно двадцатидвухлетнего блондина с распущенными волосами до плеч, одетого в кожаную куртку желтого цвета, выбегавшего из парка. Это было в восемь часов двадцать пять минут – Клавдия как раз взглянула на часы, решив, что если люди так резво побежали в направлении ближайшей станции метро, значит, скоро девять. После установления этого факта по барыгинским показаниям стали составлять фоторобот спешившего мужчины. Как ни странно, при составлении фоторобота Клавдия повеселела, сделалась смелее и раскованнее. Может быть, этому способствовала темнота. А может быть, свидетельница решила, что самое страшное осталось позади...

Фоторобот был размножен и направлен во все отделения милиции страны. Теперь личико убийцы красовалось повсюду на стендах с надписью «Их разыскивает милиция».

– Вот надорвутся рядовые сотрудники! – доверительно сообщил Теплов Аркадию Силкину. – По нашему фотороботу каждого пятого хватай – не ошибешься. Нос прямой, брови прямые, глаза средние... Портрет Дубровского в молодости, одним словом.

Не желая ставить под сомнение результаты проделанной другом работы, Аркадий осторожно хмыкнул. Он не хуже Теплова представлял, что по этим несовершенным распечатанным рисункам обычно почти невозможно опознать и арестовать убийцу.

Готовясь к беседе с Ксенией Михайловной Великановой, назначившей встречу у себя дома, Глебов позволил себе немного пофантазировать, представляя вдову и квартиру. Он частенько давал волю фантазии, подключая свою интуицию, и, как правило, она его не подводила, рисуя до мелочей частности, не поддающиеся, казалось бы, просчитыванию, – тем не менее эти частности совпадали с тем, что было на самом деле. Практического значения в данном случае эти упражнения в ясновидении не имели, однако в ближайшем будущем интуиции придется работать на полную катушку, не мешая ее потренировать. Стоит отметить, что Глебов был далек от телевизионных выпусков светской хроники, а значит, быт знаменитого хирурга (о котором лично он услышал, только получив дело) оставался для него чистой абстракцией – белым листом бумаги, на котором следователь намеревался изобразить то, что придет в голову. Итак, вдова... Георгий Яковлевич располагал первоначальными сведениями, что будущие супруги познакомились при тривиально-романтических (в данном случае, не без оттенка садомазохизма) обстоятельствах: он был врачом, она – пациенткой. В кого желает себя превратить женщина, когда обращается к пластическому хирургу? Конечно, в модельный идеал подиума и обложек глянцевого журналов. Какие черты формируют это понятие? Точеный прямой нос, пухлые губы, высокие скулы, широкий разрез глаз, лоб... лоб оставим в покое, обычно представительницы прекрасного пола прикрывают его челками. «Женщине высоколосость ни к чему», – как типичный домостроевский муж и отец, подумал Георгий Яковлевич, прежде чем перейти к гипотетическому описанию волос Ксении Михайловны. Вне всяческих сомнений, она блондинка – причем, судя по памятной белобрысости ее папаши Михаила Олеговича, она может быть и натуральной блондинкой. Что касается тела – силиконовая грудь, тончайшая талия и широкая... м-м, в общем, то, что ниже. Подарок онанисту! Кукла Барби, экспортный живой вариант.

Разделавшись с безутешной вдовой, для которой, судя по получившемуся описанию, вскоре сыщется не один утешитель, Георгий Яковлевич перешел к интерьеру. Здесь его фантазия забуксовала из-за отсутствия материала: относительно недавно перебравшись из интерьера коммунальной квартиры в интерьер малогабаритной «двушки» в Новых Черемушках, Жора Глебов представления не имел о всех тех модных штучках и удобствах, которыми оснащают свои накрученные жилища богатеи, а до того, чтобы облизывать глазами чужую роскошь, листая вкладыши цветных газет, он никогда бы не снизошел. До глубинных корней своей пролетарской волжской души он ненавидел этих богатеи, нуворишей, «новых русских» – словом, как их ни назови, людей, вскормленных диким российским капитализмом. Добросовестному следователю есть что о них порассказать. Из-за этого на его жизнь дважды покушались неизвестные лица – мстили за отлично проведенное следствие... Так что относительно обстановки квартиры Глебов додумался лишь до того, что она должна быть как можно интимнее и уютнее, без стерильной больничной белизны и хромированного сверкания: хирургу и на работе хватает больницы. Темные шторы до пола. Какие-нибудь драпировки. Наверняка дорогие картины на стенах – покойный ценит искусство. Спонсировал конкурсы молодых дарований, меценатствовал... Где теперь это все? Пойдет ли хоть одно молодое дарование, получившее путевку в жизнь благодаря этим конкурсам, к Великанову на могилу, поставит ли свечку об усопшем рабе Божиим Анатолии? А если даже пойдет и поставит, то все равно об этих конкурсах забудут в крайнем случае через год. Так проходит слава земная, ничего не попишешь.

Последняя мысль настроила Глебова на траурный лад, и он понял, что этот настрой надо удержать до встречи с вдовой. А то не дай бог неприязнь к богатым возобладает над траурностью и подпортит незамутненную чистоту зрения. Чтобы у следователя был глаз – алмаз, нужно

держаться на тонкой грани между двумя крайностями, балансируя, не соскакивая ни к одной. Идеальной считается беспристрастность, но так как следователь – всего лишь представитель рода человеческого, беспристрастность, считай, недостижима.

Вахтер элитного дома вблизи Тропаревского парка, похожий на белогвардейца из советского сериала «Адъютант его превосходительства», бдительно проверил документы следователя Глебова, вследствие чего классовая ненависть в том дала о себе знать. Однако бальзам на следовательскую душу пролило то обстоятельство, что после звонка в квартиру № 42 на пороге немедленно открывшейся двери материализовалась кукла Барби, точь-в-точь похожая на нарисованный им портрет. Все при ней: и буфера, за которые не откажется подержаться всякий нормальный мужчина, и зовущие пухлые губы, и покрытая золотистым загаром кожа без единой морщинки, и уложенные кудрями белокурые волосы...

– Вы Георгий Яковлевич Глебов? Ксения Михайловна вас ждет, – проворковала Барби.

Чуть обескураженный, но не потерявший присутствия духа следователь нашел утешение в том, что, если даже белокурая красотка оказалась прислугой, предсказание относительно картин сбылось. Темноватая из-за зеленых стен прихожая, которую тянуло назвать холлом и в которой могли уместиться две его новочеремушкинские комнаты, действительно была украшена картинами, написанными маслом, – одну, ближайшую, Глебов рассмотрел, когда вывертывался из пальто. На картине выступали в цирке акробаты: стремительность движения художник передал приемом отделяющихся от туловищ, летящих в воздухе рук и ног. Тоже, гм, хирургия... Но в холле задерживаться ему не пришлось, его немедленно провели в комнату, где глебовская интуиция получила два увесистых удара под дых.

Первым ударом стала комната... Несусветно больших даже в сравнении с холлом размеров, она действительно не походила на больничную операционную. Зато, серая и почти лишенная мебели, здорово напоминала пустую площадь какого-то заброшенного северного города под пасмурным небом, – Глебов даже пожегился, словно от потянувшего сквозняка. Уютом здесь точно не пахло: жить на стадионе и то было бы комфортнее. А ведь, судя по широкому плоскому ложу, отодвинутому к окну, эта комната играла роль спальни... Вот извращенцы! Глебов бы в такой обстановочке нипочем не смог... В углах несли вахту нецветущие растения в фарфоровых вазах, похожие на гвардейцев с киверами. Их молчаливый надзор тоже не способствовал домашней расслабке, как бы требуя официального фрака.

На Ксении Михайловне Великановой, которая в прихотливой позе полусидела-полусклонялась на ложе, как раз и был черно-белый брючный костюм, соревновавшийся в строгости с фраком. Женственный ровно настолько, чтобы не казаться мужским, подчеркивающий изящество узкогрудой, почти безбедрой, ласточкиной фигуры. Взглянув на вдову, Глебов в полной мере осознал глубину ошибки своей интуиции. Прежде всего, Ксения Михайловна была брюнеткой – хотя, судя по белизне слабо веснушчатой кожи и голубизне глаз, она и впрямь могла оказаться урожденной блондинкой. Но совершив решительный шаг перекраски в черный цвет, она перескочила уровень заурядной красоты: в ее овальном и полупрозрачном, как пустая яичная скорлупа, личике проступило нечто небесное. То, что напомнило вдруг Глебову его Таю, когда он ездил свататься к ней в родную Кострому, – хотя Таисия отродясь не была брюнеткой... Невинность это была, вот что, невинность нетронутой девушки! Однако невинность спорная, вступающая в противоречие с пикантной горбинкой носа и со скрытой порочностью рта – верхняя губа узкая, нижняя выдается вперед в смутной полуулыбке. Высокий, выпуклый, как купол средневекового собора, лоб, прямой пробор... Да, это вам не пластмассовая Барби – поточное производство! Это произведение искусства, китайская, будь она неладна, шелкография... В мгновение ока Глебов оценил мастерство покойного пластического хирурга и прихотливость отношений с живописью, которую убитый так ценил. В мгновение ока успел Георгий Яковлевич восхититься созданием великановского резца-скальпеля – и отвергнуть свое восхищение.

Если на женщину тянет любоваться издали, рассматривать с выгодной точки, как музейный шедевр, а коснуться ее не хочется – что-то здесь не в порядке. Что-то перемудрил покойный Анатолий Валентинович, трудно пожелать ему царствия небесного – человеку, который пожелал жить в такой квартире и иметь такую жену.

Но, возможно, пластический хирург был здесь абсолютно ни при чем, а холод, наполнявший комнату и не позволявший зародиться типично мужским мыслям в отношении красавицы вдовы, являлся изначальной принадлежностью Ксении Михайловны, дочери своего высокопоставленного батюшки, а следовательно, неприступной, по определению, недотроги.

– Присаживайтесь. – Без упоминания имени-отчества (зачем царице помнить имена холопов) Ксения Михайловна указала на шаткий с виду, поставленный возле своего ложа стул. Глебов присел, почувствовав облегчение – рядом с вдовой, на ложе, он долго не вынес бы. Стул, хотя и дизайнерской выпендренной конструкции, оказался вполне крепким, и Георгий Яковлевич слегка расслабился. Исключительно физически. Но не морально.

– Ксения Михайловна, – отпугивающим басом проклокотал Глебов; прочистил горло, откашлявшись, и продолжил нормальным голосом: – Ксения Михайловна, приношу вам свои соболезнования...

Движение черно-белой офраченной ручки дало понять, что ритуал соболезнований можно опустить. Двигались только руки, лицо оставалось нетревожимо-гладким. Ни морщинки, ни слезинки, ни бессонной тени под глазами. Не поймешь, о чем свидетельствует это бесстрашие: то ли об отсутствии горя, то ли, наоборот, о горе до такой степени сокрушительном, что страшно дать ему вырваться вовне. Вырвавшись, оно толкнет на самоубийство или другой безумный поступок.

– Вы – следователь? Вы пришли задавать вопросы. Задавайте.

– Ксения Михайловна, вашему мужу кто-нибудь угрожал?

– У пластических хирургов неблагодарная работа – всегда найдутся недовольные результатами операции. Знаете, психически неуравновешенные особы, которые сами не знают, что им нужно, и ждут, что новая внешность радикально преобразит их жизнь. Если этого не происходит, они считают, что во всем виноват хирург. Их должны отбраковывать психиатры еще на подступах к операции, но небольшой процент таких больных всегда просачивается. Да, они могли угрожать.

– Вам известны такие случаи? Ваш муж называл фамилии, имена?

– Спросите лучше в клинике, они должны вести учет подобным пациентам. Но не думаю, что на этом пути вы обнаружите убийцу. Если такие угрозы и были, Толя не придавал им значения, иначе он поделился бы со мной. Мы были очень близки, он полностью доверял мне.

Последняя фраза не изменила бесстрастности лица – так же, как впервые произнесенное вслух имя покойного супруга. «Отлично держится», – отметил Глебов, чувствуя, однако, в этой сдержанности нечто неестественное. Пусть это затруднило бы выполнение его служебных обязанностей, он предпочел бы, чтобы вдова Великанова разрыдалась перед ним, а потом, еще не отошедшая от слез, заговорила наконец со следователем по-человечески и выложила уйму непричесанных подробностей, среди которых мелькнул, наконец, смысл и этого союза хирурга и принцессы, и этой неприветливой квартиры, и этого стылого, как чугунный противень на морозе, супружеского ложа. Иначе Глебов не представлял, как понять убитого, а следовательно, кто и зачем способен был его убить.

– Тем лучше, если он вам доверял. Вы женщина, вы должны тонко чувствовать его настроение. Был он в последнее время печален, встревожен? Рассказывал вам о своих проблемах?

Наконец-то гладкое личико передернулось! Правда, более человечным от этого не стало – заострилось, напоминая хищную мордочку куницы или хорька. Пластический хирург способен

изменить форму носа или разрез глаз, но не в силах изменить мимику, а в мимике отражается строй души, и с ним уж ничего не поделает целый легион хирургов.

– У него была одна проблема... Марат Бабочкин!

– Это второй хирург из шоу «Неотразимая внешность»? – уточнил Глебов. Даже если бы он не провел подготовительной работы по делу, о шоу Великанова во всех красках узнал бы от дочери, главной в их семье фанатки таких недоброкачественных, на его старосветский вкус, зрелищ. Что с ними, женщинами, поделаешь, в любом возрасте интересуются красотой морды лица...

– Вы не ошиблись. – Лицо разгладилось, и все-таки предшествовавшая гримаска наложила на него, в глазах Глебова, отпечаток, который не стерся до конца их беседы. – Второй. Который хотел стать первым! Из кожи лез! Откровенно говоря, Толю он подсиживал.

– В чем это выражалось?

– Я не в курсе всех тонкостей их служебных взаимоотношений, поскольку далека от мира телевидения. Но буквально за день до... – Ксения сглотнула, дрогнув белоснежным горлом, – до убийства Толя сказал мне, что Марат стал болезненно амбициозен, пытается задвинуть его на вторые роли, выпячивая в шоу лишь себя, любимого. С Маратом в последнее время было трудно работать, и это очень не нравилось Толе. Он сказал, что, если будет продолжаться в том же духе, он уйдет из этого скандального шоу-бизнеса.

– Вы полагаете, он серьезно собирался покинуть телевидение? Уступить место коллеге?

– Что вы! Продюсеры его бы не отпустили. Кто такой Великанов – и, простите, кто такой Бабочкин? Это величины, не подлежащие сравнению! Я не говорю, что Марат – плохой хирург, но Толя... Толя был особенный. Это был скульптор человеческой плоти. Истинный художник.

Глава третья

Скульпторы человеческой плоти, добросовестные и не очень

Любой другой юный следователь на месте Вени Васина остался бы разочарован тем, что оказался смещен под командование Глебова. Любой другой – но не Васин. В придачу к своей застенчивости, которая могла трактоваться как недостаток и как достоинство, он обладал другим амбивалентным свойством: он не был честолюбив. С одной стороны, это не сулило ничего хорошего, предполагая, что Васина будут постоянно вытеснять с главных мест, затирая локтями, задерживать назначение следующего звания. С другой – отсутствие честолюбия заставляло Веню с легким сердцем принимать то, что его рвущегося вверх по лестнице званий сослуживца вогнало бы в тяжелую депрессию, и переживания на тему «Почему другие, почему не я?» не отнимали у него сон и аппетит. Потому Васин бодро принялся за работу под глебовским руководством.

Кроме того, трезво оценивая свои возможности, Веня не стыдился признать, что ему недостает опыта. Он не знал, как справиться с этим сложным делом, и присутствие Глебова ему здорово помогло, сняло с него ответственность, которой он тяготился. В определенном смысле то, что Глебов взял на свои широкие подполковничьи плечи самую антипатичную часть обязанностей, стало для Вени благодеянием. Теперь он мог заняться тем, что по-настоящему любил: работой с людьми. Он живо интересовался и самим убитым Великановым, и коллегами, которые его окружали и которые должны были кое-что знать о причинах, за что Великанова могли убить... В частности, именно на Васина Георгий Яковлевич Глебов возложил проверку версии номер один: убийство на почве мести пациента, недовольного операцией, проведенной самим хирургом Великановым. Для проверки этой версии необходимо было тщательно пересмотреть списки всех пациентов, прооперированных Великановым в последнее время, и допросить некоторых из них.

Великанов заведовал хирургическим отделением ООО «Клиника „Идеал“». Кроме того, был ведущим хирургом в Институте эстетической медицины „Омоложение“. Но, поскольку главным пристанищем покойного был „Идеал“, именно туда поначалу направился Веня Васин. „Идеал“ производил впечатление не сказать, чтобы блистающее, под стать своему гладкому возвышенному названию, но вполне добротное. Высококласное медицинское учреждение, сразу видать. Охрана на входе. Регистратура, отделенная от зала с гардеробом каким-то необыкновенным барьером, похожим на морскую раковину с горячей по ее краям цепью лампочек. Повсюду какие-то инкрустации, какие-то витражи вперемежку со скульптурными деталями, похожими на выступающие из стен лица со сглаженными, словно бы не до конца проявленными чертами. Вене Васину это оформление не слишком понравилось: как будто куклы стремятся вылупиться из каменного яйца! Наподобие одной знаменитой картины Дали, Веня забыл название, которая на кафедре судебной психиатрии украшала стену лекционного зала, – одним словом, та, на которой из растресканного земного шара или тоже вроде бы яйца, истекающего кровью, рождается могучая сгорбленная фигура какого-то атлета, символизирующего человечество. Мрачновато для лечебного учреждения... Но, надо полагать, у клиентов „Идеала“ вкус отличается от Вениного: в противном случае они пожаловались бы дежурному администратору, и оформление живо сменили бы им в угоду. Судя по тому, сколько Великанов брал за одну операцию, здешние пациенты – избалованный народ!

У Вени Васина отношение к медицине было амбивалентное. С одной стороны, болел он и, следовательно, лечился редко, а потому особенно плохих воспоминаний, связанных с людьми в белых халатах, приобрести не мог. С другой стороны, возможно, именно потому,

что соприкасаться с медициной приходилось не так часто, эта область человеческой деятельности представлялась ему глубоко чуждой и опасной, полной топких мест, в которых можно утонуть. Врач ежедневно держит в руках человеческую жизнь – разве такая абсолютная власть не развращает? У него легко может родиться идея, что человеческая жизнь ничего не значит, а отсюда до мысли, что убийство – вещь простая и дозволенная, один шаг... Хотя Веня Васин вступил на территорию «Идеала», для того чтобы проверить подозрения относительно пациентов, коллеги покойного Великанова тоже были ему подозрительны и не слишком симпатичны. Заранее, без доказательств. Почему-то казалось, что здесь, в этом, прямо скажем, не нищем местечке подпольно клубится тот еще террариум.

Воспользовавшись для входа своими «корочками», а далее руководствуясь табличкой со списком отделений, Веня Васин поднялся на четвертый этаж. В хирургическом отделении все выглядело так же, как внизу, с тем отличием, что здесь расхаживало по коридору небольшое количество людей в масках... Ну да, в белых масках, закрывающих у некоторых еще и шею с ключицами. По крайней мере, это выглядело как маски, хотя на самом деле, надо полагать, являлось хирургическими повязками. Одного такого замаскированного встретить было бы жутковато, а когда их много – ничего особенного. Таким образом утешив себя, Веня Васин постучал в дверь с табличкой «Ординаторская»: так называется комната для врачей, он был информирован об этом. Из-за двери доносились болтовня и смех. «Заходи, не заперто!» – крикнул веселый мужской голос. Веня нажал на дверную ручку – и оторопел...

Всю длину комнаты занимал стол, заставленный бутылками с вином и водкой, тарелками с фруктами, бутербродами, салатами и прочими вкусностями, которые Веня охватить одним взглядом не мог, зато обоняние ему подсказало, что питаются в «Идеале» отменно, и если таково здесь повседневное меню, то тем гурманам, которые не догадались пойти в пластическую хирургию, остается только рвать на себе волосы. Одним концом стол почти достигал двери, из-за которой осторожно выглядывал Веня, а другим упирался в простенок между двумя окнами. В простенке висела крупная фотография Великанова, чинно, в рамочке, под стеклом, перевязанная траурной лентой. Обратившиеся к Вене лица людей в медицинских халатах, напротив, несли на себе полное отсутствие траурности. Создавалась иллюзия, будто в ординаторской празднуют смерть заведующего отделением... А может, то была никакая не иллюзия? Может, здесь происходило торжество, не предназначенное для чужих глаз? По мере того как до врачей доходило, что к их теплой компании готов присоединиться не тот, кого они ждали, их улыбки превращались в замороженные оскалы.

– А я думала, это Ваня, – надменно протянула высокая врачиха, у которой из-под прямоугольной шапочки, преображающей ее в Нефертити, свисали побрякивающие цыганские серьги. – А вы кто?

– А я – Веня, – признался Веня.

На миг ему показалось, что дальнейшие объяснения не потребуются, что его попросту примут, раз уж он пришел, усадят за стол, как своего, он выпьет рюмку, не чокаясь, за помин великановской души, а после исподволь, точечными вопросами, выяснит всю подноготную...

– Какой еще Веня?

Хитрость не удалась. Какая досада. Придется снова «корочками» трясти.

Известие, что среди них присутствует следователь прокуратуры, произвело на тружеников «Идеала» сногшибательное впечатление. Точно тайфуном, их всех вынесло из ординаторской, моментально опустевшей: фокус-покус! Но прежде стол очистился от яств, и это был фокус-покус еще похлеще, потому что Веня не уследил, куда так быстро девалось выпивонно-закусочное великолепие. Впору было поверить, что свернули сказочную скатерть-самобранку. На самом деле, как решил Веня, ретроспективно прокручивая события, бутылки и закуски утащили с собой медики... В конце концов, на столе остался приличествующий случаю минимум: тарелка с бутербродами и красное вино. А за столом осталась та самая хирур-

гическая дама, древнеегипетского вида с цыганскими серьгами в три яруса и косой челкой из-под накрахмаленной шапочки. В отсутствие Великанова, как сразу выяснилось, она взяла в свои женские, однако твердые и умелые руки обязанности заведующего (в данном случае – заведующей) отделением. Звали новую заведующую Владислава Яновна Линицкая: не имя, а горделиво-тяжеловесный подарок от предков. С таким хоть на сцене танцуй, хоть богатеньких пациентов кромсай...

– Я прошу вас не обращать внимания на это внеслужбное мероприятие, – великолепно поставленным голосом возвестила Владислава Яновна. – Наш молодой сотрудник защитил диссертацию, мы решили отметить это событие, которое, согласитесь, бывает раз в жизни, в нашем тесном кругу. Кроме того, я сочла необходимым устроить праздник, чтобы разрядить обстановку. Сотрудники так взволнованы произошедшей трагедией...

Линицкая деликатно кивнула в сторону портрета Великанова, который продолжал устремлять взор куда-то в иные края. Удачная фотография. И красивым, надо признать, мужчиной был покойный зав отделением.

– Да я что, я ничего, – пробормотал Веня, попадая в плен обычной своей застенчивости. – Извините, что помешал. Я-то, в общем, как раз насчет трагедии...

Ознакомившись с требованиями следователя прокуратуры, Владислава Яновна недовольно свела безупречно прорисованные черные брови.

– Само собой, вы получите доступ ко всем историям болезней наших прооперированных, – мягким голосом, противоречащим жесткости сведенных бровей, вымолвила Линицкая. – Но, по-моему, вы стоите на неверном пути. Неужели вы не в курсе, кем был Анатолий Валентинович Великанов? Каким он был?

Веня стыдливо потупился.

– Анатолий Валентинович Великанов считался специалистом номер один в своей области. Этот талантливый врач около восемнадцати лет оперировал в России и за рубежом как рядовых пациентов, так и политиков, телеведущих, актеров, звезд шоу-бизнеса. Имя Великанова означает высший класс пластических операций! А «Идеал» – клиника, которую он фактически создал... Такие вещи, которые вы подозреваете, здесь просто невозможны.

Переведя дыхание после хвалебной оды покойному и клинике, Владислава Яновна удачно завершила сказанное:

– На нас, как и на всех прочих специалистов, иногда жалуются пациенты, но с каждой жалобой мы тщательно разбираемся и находим способы исправления своих ошибок. Репутацией мы дорожим. Ни один пациент не ушел от нас недовольным настолько, чтобы прибегнуть к огнестрельному оружию... Зато среди коллег-медиков такие люди есть.

Веня Васин почувствовал, что от глебовской версии номер один он плавно перешел к версии номер два: убийство произошло по заказу хирурга-конкурента.

– Спрос на эстетическую хирургию велик, – все тем же лекционным голосом продолжала просвещать следователя Линицкая. – Одна пятая населения находит в своей внешности изъяны. Особенно в России, где все годы советской власти эти услуги не были доступны простым людям. Теперь специализированные клиники пластической хирургии растут как грибы. Казалось бы, проблема только в деньгах... Но возникли новые проблемы. И дело не в количестве пациентов, а в качестве услуг, которые предоставляют клиники. Не стану скрывать, что во многих обществах с ограниченной ответственностью, расплодившихся именно как грибы, работают, с позволения сказать, специалисты, которым я не доверила бы оперировать даже лабораторную собаку. Недоучки с сомнительными дипломами, применяющие опасные для жизни пациента методы, нарушающие основной принцип врача: «Не навреди!» Как вы сами отлично понимаете, это портит репутацию пластической хирургии в целом.

Веню Васина вдруг стал преследовать бзик: он пытался вообразить, куда девает Владислава Яновна на время операции свои цыганские сережки. Снимает и убирает в карман халата?

Или они у нее продолжают болтаться туда-сюда, ниспадая на хирургическую маску? Веня потрянул головой. Возрев на него со строгим недоумением, точно учительница на случайно затесавшегося среди учеников дебила, Владислава Яновна продолжила:

– С этим не мог смириться Великанов – и как человек, и как врач. Он создал общественную организацию под названием «Российская ассоциация эстетической хирургии». В эту организацию вошли квалифицированные пластические хирурги страны. Довольно часто следственные органы и суды привлекали Великанова и его коллег к специальным экспертизам по установлению технической правильности проведения операций. И в этой области деятельности Великанов мог нажать немало врагов!

– Вам известны конкретные факты?

– Факты? Сколько угодно. Все мы, сотрудники отделения, слышали, как Анатолию Валентиновичу угрожали.

– Правда, угрожали? Кто?

– Например, некий Иван Зинченко... Вам это имя знакомо?

– Боюсь, что нет. Я только начинаю знакомиться с миром пластической хирургии.

– Надеюсь, что в мире пластической хирургии это имя больше фигурировать не будет.

Но вам необходимо знать... Хотите выпить?

Бутылка с красным вином по-прежнему украшала собою стол. Вина Васину не хотелось: во-первых, от спиртного уязвимая кожа блондина Вени покрывалась красными пятнами напоподобие аллергических, что его не украшало, а во-вторых, все питье в хирургическом отделении было у него под подозрением в недоброкачественности, словно туда тайно влили снотворное или что-то еще.

– Спасибо, на работе не пью, – ответил Веня, стараясь принять гордый высокопрофессиональный вид. – А вот бутербродик возьму, если позволите.

– Тогда и я возьму, – смягчилась Владислава Яновна.

Вот так, в дружеской, переходящей в застольную, обстановке Веня Васин услышал драматическую историю, ставшую причиной столкновения Анатолия Великанова с Иваном Зинченко...

Не вспомнить, какой мудрый человек дал определение: счастье – это когда утром хочется идти на работу, а после работы хочется идти домой. Если отталкиваться от этого определения, Георгий Яковлевич Глебов мог назвать себя наполовину... нет, даже, пожалуй, на три четверти счастливым человеком. В целом любя свою работу, он не мог похвастаться тем, что каждое утро стремится туда как на праздник: юношеский энтузиазм с годами поукас, и было бы странно, если бы этого не произошло. Но вот домой Георгий Яковлевич неизменно возвращался, лелея самые приятные чувства, которые неизменно оправдывала его жена... Сегодня, после разговора с Ксенией Великановой, надменной, изысканной и вопиюще, по искренне сложившемуся убеждению Глубова, неженственной, Георгий Яковлевич особенно нуждался в том, чтобы поскорее увидеть свою Таисию, приникнуть к ней, как сердечник к кислородной подушке.

Его драгоценные девочки, Тая и Машка, с похожими круглыми ясными личиками и почти одного роста (дочка тянется ввысь стремительно, акселератка, скоро догонит мать), моментально открывают дверь по звонку. Поджидают его, что ли, в прихожей? Нет, такого быть не может: ведь Глебов приходит с работы в разное время. И тем не менее каким-то чудом они оказываются возле двери... Глебов ни разу не спросил, как им это удается: разве можно разъяснить чудо? Нельзя, да и не нужно... Радостный писк, одна хватает пальто, другая портфель, пристраивают вещи на свои места, пока глава семейства переобувается в домашние тапочки. В это время – никаких поцелуев, никаких вопросов, никаких школьных и рабочих новостей: сначала доброго молодца надо накормить-напоить, а потом уже расспрашивать. Пока Георгий

Яковлевич переодевается и старательно моет руки в ванной, на стол, накрытый клеенчатой скатеркой с узором из экзотических фруктов, ставится плетенка с ломтиками хлеба, черного и белого, в три тарелки наливается суп. Первое блюдо съедается молча: Глебовым – потому что он устал и проголодался как собака, женой и дочерью – из уважения к процессу утоления голода главы семейства. А вот когда в желудке перестают завывать водопроводные трубы, за вторым блюдом можно поболтать и расслабиться. Тут-то и начинаются новости и шутки, Глебов чувствует, что он нужен, его любят, и погружается в это чувство, будто в теплую водичку...

И все-таки Глебову удалось сделать правильный выбор со своей поздней женьбой! Было ведь ему тогда почти сорок лет, и двадцать из них он провел в Москве и обзавелся к тому времени двумя любовницами, одна из которых владела, кстати, роскошной старинной трехкомнатной квартирой вблизи Нового Арбата... А вот не захотел ни с одной из москвичек связываться! Та, с околоарбатской квартирой, так с ним обращалась, что со временем, предвидел Глебов, потребовала бы от него, чтобы он в благодарность за ее жилплощадь спал на коврик и приносил тапочки в зубах. Другая не требовала ничего – более того, возводила это отсутствие требований в принцип и настаивала, чтобы Глебов тоже ничего и никогда от нее не требовал, чтобы у них, как она заявляла с придыханием, осуществился союз двух свободных людей. Здравствуй, я ваша тетя! Зачем же тогда жениться? Если так ценишь свою свободу, дорогая, будь и дальше свободной, без мужа, сама по себе. Короче, вдоволь поломав голову над матримониальными причудами жительниц нашей столицы, Георгий Яковлевич отбыл в отпуск к себе на родину, в Кострому.

Древний волжский город, носящий имя богини, которую полагалось почему-то раз в год сжигать в виде чучела, остался все так же красив, непредсказуем и нелогичен. Здесь под сумеречными заборами пряталось глебовское детство, пропитанное опасными мальчишескими играми и непонятными взрослым страхами, а над Волгой, видные с пристаней, плыли по небесным волнам золотые купола, напоминая о вечности. Весь свой деловой отрезок жизни Глебов провел вдали от здешних мест, приезжая только на значительные события, вроде свадьбы брата или похорон матери; но его здесь не забывали. На него даже имели виды... Составившийся, погрузневший от вдовства, но все еще сильный и разумный батя первым делом дал сыну с дороги отдохнуть в том самом доме, откуда он некогда отбыл в Москву, – это уж как водится. Потом потащил его показывать родне, – это куда ни шло. Ну а после, дав протрезветь после пирушек (каждая ветвь рода Глебовых, принимая москвича, старалась не ударить в грязь лицом), тихо и целомудренно повел в дом давнего, хоть и помоложе Якова Алексеевича, друга и очень хорошего человека. В этом доме спиртное употребляли редко, зато здесь подрастала младшая дочь Таисия – девушка на выданье. Истинное сокровище, если кто понимает. Яков Алексеевич хранил про себя давнюю мыслишку: вот увидит Егор красивую да ласковую Тайку, втрескается насмерть, да так в Костроме и останется. Не захочет никуда уезжать...

Со своими замыслами старый Глебов наполовину просчитался: после Управления по расследованию бандитизма и убийств Мосгорпрокуратуры карьера участкового в Костроме не казалась Георгию Яковлевичу главным светом в окошке. Так что в Москву он все-таки уехал. Однако через месяц вернулся, чтобы увезти с собой Таисию... Нет, не так, как злой татарин-похититель, а все честь по чести: с регистрацией в загсе, с венчанием и со свадьбой. А после свадьбы уехали уж вдвоем – окончательно.

Тут-то и выяснилось, что, доковыляв до сорока годков, Георгий Яковлевич понятия не имел, что такое семейная жизнь! Сколько в ней света, тепла и радости – не сравнить с перепахиванием на стороне, если даже они называются значительным словом «страсть»... Таисия, моложе его почти на восемнадцать лет, ненавязчиво наставляла мужа в этой сложной и упоительной науке. Георгий Яковлевич с самого начала подозревал, что эта девочка, не успевшая окончить техникум, в два раза умнее его, старого закаленного следователя, но при этом умна достаточно, чтобы не демонстрировать на каждом шагу свой ум. Так ее воспитали – или она

переняла эту мудрую тактику от своей матери? Все делалось без споров о превосходстве, о том, кто должен быть главным в семье, – тихо, ненавязчиво, но неуклонно. Муж – голова, жена – шея: куда повернет, то и выйдет. Георгий Яковлевич, с его следовательской проницательностью, вскоре вычислил это руководство, но противиться ему не стал: даже умилялся втайне. А потом Таюша сходилась в женскую консультацию и указала пальчиком на свой пока еще плоский живот, мол, скоро появится на свет еще один человек, которого будут любить...

Да есть ли для Глебова на свете что-то важнее Таи с Машкой? Ради этих бесценных существ он легко расстался с холостяцкими привычками, тянувшими его прочь от дома. Ради того, чтобы его девочки жили счастливо, берег каждую копейку. Бросил курить, не ходил с коллегами в пивную после получения зарплаты, перестал посещать недорогую прокурорскую столовую, ограничиваясь домашними бутербродами. Одним словом, сэкономил на всем. В связи с этим коллеги присвоили другану Жоре, изменившему прежним разгульным привычкам, вторую, после Подполковника, нелюбезную кличку – Наш скупердяй. Ну и пусть! Георгия Яковлевича не задевает, как истолковывают его поступки посторонние люди: пусть думают, что им угодно, главное, чтобы в семье все было хорошо.

Созерцая Таино лицо – круглощечное, с монголоидной приплюснутостью, без намека на изысканную красоту, но такое трогательное и милое, – Георгий Яковлевич задумался о том, что убитому Великанову счастья в семейной жизни, по-видимому, не перепало. Если бы он по-настоящему любил свою Ксению, разве стал бы ее перекраивать, переделывать? Жену надо любить такой, какая она есть, любить до того, чтобы в изъянах внешности находить нечто привлекательное, свойственное ей одной. Любовь останется неизменной даже тогда, когда жена с течением лет делается маленькой сгорбленной старушкой... А когда соединение мужчины и женщины ставится в зависимость от внешней привлекательности, богатства и тому подобной ерунды – это, извините, не любовь, а коммерция. А коммерция в семейных отношениях – то, чего Георгий Яковлевич терпеть не может.

Ольга Михайлова не вписывалась в традиционный портрет клиентки косметической клиники, который большинство населения представляет как богатую старуху, старающуюся вернуть молодость. Ольге было всего двадцать три года, она была длинноногой и стройной, и ее чересчур вытянутое, с уклоном в лошадиность, но милое и пикантное личико вызывало интерес мужского пола безо всякого хирургического вмешательства. Но этого ей было мало. Уделяя большое внимание своей внешности, Ольга выискивала в ней недостатки, приводя в недоумение свою мать. Вспоминая себя в молодости, Елена Леонидовна признавала, что была не так пригожа, как ее Оля, – гораздо хуже; но ей бы и в голову не пришло так сходить с ума из-за каких-то микроскопических дефектов, существующих, скорее всего, только в воображении дочери.

– Мамуль, посмотри-ка, – призывала Ольга Елену Леонидовну, принимая перед зеркалом изящные позы, – по-моему, у меня по бокам жировые складки свисают. Как тебе кажется?

– Нет у тебя никакого жира! Тощая, как спичка, придумаешь тоже... Если и есть какая-то складка, то это от купальника.

– А-а, ну ладно... А не слишком заметно, что одна грудь больше другой?

– Какие глупости! Кто тебе сказал, что больше?

– Так у меня глаза на месте, я же вижу!

– И у меня пока что глаза на месте, – принималась сердиться Елена Леонидовна. – И я вижу, что если кое-кто не пойдет сейчас же готовиться к экзамену, вместо того чтобы крутиться перед зеркалом, то этот кое-кто сессию не сдаст!

Про себя Елена Леонидовна начинала уже волноваться: может, это болезнь такая психическая – когда человек видит в своей внешности недостатки, которые незаметны окружающим, и жутко из-за этого страдает? Она читала в журнале о такой болезни... Может, направить Ольгу

к психологу? Но стоило Елене Леонидовне увидеть свою Олечку, такую ладненькую, со вкусом одетую, в компании друзей и подруг, которые вокруг нее так и роились, – и грустные мысли улетучивались. В конце концов, мир помешался на внешней привлекательности: в прессе и на телевидении звезды делятся секретами красоты, выкладывают интимные подробности относительно макияжа и перенесенных пластических операций... И это солидные, добившиеся высокого положения люди! А у Ольги что? Наверняка ничего серьезного! Молодая, вот и переживает из-за всяких пустяков. Кто молод не был? Вот повзрослеет, окончит институт, выйдет замуж – и забудет свои глупости. А когда дети пойдут – о, ну тут забот полон рот, и какое дело матери до размеров своей груди, если она с умилением смотрит, как сосет эту грудь родной младенец?

Однако Ольга не спешила осчастливить мать свадьбой и младенцами. Она, насколько поняла Елена Леонидовна, боялась оказаться в постели с любимым человеком... почему бы вы думали? Оказывается, потому, что любимый обязательно заметит эту отвратительную капиллярную сеточку на правом Ольгином бедре. Да, отвратительную, ужас-ужас, как у старухи! Все доводы относительно того, что по-настоящему любящий мужчина не станет выискивать на коже любимой девушки какие-то капилляры, и того, что надо очень сильно приглядываться, чтобы обнаружить эту сеточку, не действовали. Ольга твердо была намерена избавиться от дефекта, препятствующего, как она верила, ее счастью. Ради этого Ольга собралась лечь на пластическую операцию.

Когда дочь предъявила свой ультиматум, Елена Леонидовна содрогнулась: слово «операция» ее пугало. Самой ей, Бог миловал, не довелось побывать на операционном столе, но ее старшей сестре год назад удалили желчный пузырь, и после этого сестра до сих пор толком не оправилась. Выглядит – краше в гроб кладут! Зачем ее девочке навлекать на себя несчастье? Пусть подольше минуют нас всякие операции!

– Ой, мама, ну ты же ничего не понимаешь, – ныла Ольга. – Это совсем не такая операция, как у тети Люды. У меня она будет легкая, поверхностная, ты же видишь, в пределах кожи. Все равно что уши проколоть! И вообще, это даже не операция называется, а косметическая процедура...

– Дура ты и есть дура, – сердилась Елена Леонидовна. – Лучше бы записалась в обычную районную поликлинику к специалисту по аллергиям, полечила бы свою сенную лихорадку. А то как придет лето, как начнешь чихать на принца своей мечты, он тебя точно бросит. И правильно сделает!

Постепенно Елена Леонидовна сдала свои позиции: так она поступала и когда маленькая Олечка принималась особенно настойчиво кланчить дорогую игрушку, и когда подростковая дочь выпрашивала у матери модные вещи. Работая на двух работах, Елена Леонидовна не успевала напоминать Ольге, что они должны жить по средствам, но Ольга привыкла к материнским заклинаниям, не вызывавшим в ней упреков совести, и если вбивала что себе в голову, то была уверена, что мать рано или поздно пойдет на попятный... Так в итоге и получилось.

Почему Елена Леонидовна дала себя уговорить? Этот вопрос она себе после задавала постоянно – и в слезах, и в том сухом страдании, из которого невозможно исторгнуть и капли слез. Как она это позволила – она, с ее материнским опытом? С интуицией, которая позволяла Елене Леонидовне безошибочно предсказывать мелкие неприятности, вроде Ольгиных двоек, а относительно настоящего несчастья промолчала? Конечно, не последнюю роль сыграли здесь уверения Ольги, что все будет хорошо, что манипуляция пустяковая. И на первый план всплыла реклама «Клиники доктора Зинченко» – шквалистая, по всем каналам, в самый прайм-тайм. Человек советских представлений, Елена Леонидовна все еще пребывала в наивной уверенности, что плохой продукт рекламировать не станут... Ну а кроме того (стыдно признаться, но это так), запредельная для «пустяковой манипуляции» цена позволяла надеяться, что все будет отлично. За такие деньги – не может не быть!

Ольга Михайлова заранее записалась в «Клинику доктора Зинченко» и внесла аванс. Дома рассказала, что там ей очень понравилось: все белое, чистое, персонал вежливый. А оперировать ее будет доктор Зинченко – собственноручно! Так что за результат можно не волноваться. Не волнуйся, мамочка...

Летним утром, на которое была назначена операция, Елена Леонидовна попыталась накормить Ольгу легким завтраком, но та отказалась: обезболивание делается только на пустой желудок. Так и ушла: голодная, бледненькая, с разбросанными по плечам длинными волосами, в платье, сквозь которое просвечивал бюстгальтер. Елена Леонидовна долго смотрела из окна Ольге вслед, как она пересекала их гулкий и темноватый, почти крепостной, двор, уходя через арку в сияющее пространство, где пекло солнце и шуршали по асфальту машины... Долго смотрела. Не потому, что на нее напали предчувствия; просто думала с гордостью: «Какая же у меня красивая, замечательная, взрослая дочь!»

Елена Леонидовна ждала, что Ольга после операции позвонит ей на работу, но звонка не последовало. Наверное, отлеживается после обезболивания... Вернувшись домой долгим летним вечером, который обманчиво выдает себя за бесконечно длящийся день, Елена Леонидовна обнаружила, что дочь домой не пришла. Неужели решила остаться в клинике? Но ведь это так дорого! А вдруг ей пришлось остаться, потому что... потому что возникли осложнения... Додумывать эту мысль до конца Елена Леонидовна не стала. Она схватила телефонную трубку и принялась судорожно набирать номер мобильного дочери. Мобильный был отключен. Перерыв все бумаги на столике, Елена Леонидовна отыскала газетную страницу с рекламой всемогущего волшебника пластической хирургии доктора Зинченко, где был указан телефонный номер клиники. В клинике, когда слышали, что речь идет не о новом клиенте, желающем прооперироваться, а о пациентке, которая ушла на операцию и не вернулась, внезапно потеряли вежливость и в приказном тоне велели матери позвонить по другому, продиктованному телефону. Там никто не брал трубку. Волнение Елены Леонидовны нарастало. Бедная моя девочка, куда же тебя занесло, в какое людоедское логово? Что там с тобой сделали? Елена Леонидовна, не церемонясь, опять позвонила по первому телефону, пробившись через море коротких гудков, и принялась кричать в трубку, что если ей не ответят, где ее дочь, она немедленно едет в клинику – и с милицией! Это произвело впечатление. Голос в трубке лишился хамоватых интонаций:

– Подождите, с вами будет говорить доктор Зинченко.

Доктор Зинченко разговаривал убедительным баритоном с вальяжной хрипотцой:

– Да, я слушаю. Вы – мама Ольги Александровны Михайловой? Вам все равно придется приехать, так что приезжайте поскорее. Вы должны забрать свою дочь.

Короткие гудки. Все. Ни слова о том, что случилось с Ольгой, которая утром ушла из дома на своих ногах, и в каком она состоянии. Но Елена Леонидовна была далека от намерения звонить снова и переспрашивать Зинченко на этот счет. Она схватила сумочку, заперла дверь (переодеваться не потребовалось, поскольку, придя с работы, Елена Леонидовна так и не успела сменить выходную одежду на домашнюю) и понеслась ловить такси. Дороговатое удовольствие, но, во-первых, быстрее сейчас ничем не доберешься, а во-вторых, если Ольгу придется забирать из клиники, такси окажется все равно необходимо. Наверное, у нее сильное кровотечение из раны. А может быть, она плохо перенесла обезболивание – мало ли какие бывают послеоперационные осложнения!..

Елена Леонидовна, как потерянная, стояла в длинной комнате, выложенной зеленым кафелем по полу и стенам. Ее поддерживал под руку доктор Зинченко – приземистый, коренастый, светлые усы щеточкой; но Елена Леонидовна не смотрела на Зинченко. Она смотрела ничего не выражающими от запредельного горя глазами на лицо Ольги, с которого только что подняли простыню. Дочь лежала такая же бледная, как утром, с синеватыми губами, на которых задержались остатки ее обычной помады, казавшейся чересчур яркой на фоне ее тепереш-

ней бледности. Выражение Ольгиного лица оказалось неожиданно довольным, как будто она радовалась тому, что все-таки добилась своего, оказавшись в клинике Зинченко. Вот только операцию ей так и не сделали: приподняв, уже по собственной инициативе, край простыни с правого бедра, Елена Леонидовна обнаружила фиолетовую сеточку капилляров на прежнем месте. В этом было что-то глумливое: послужив косвенной причиной смерти, это крошечное уродство останется со своей обладательницей навсегда.

Елена Леонидовна не верила, что ничего нельзя сделать. Ведь здесь же клиника, здесь полным-полно всяческого хитрого оборудования для реанимации, для чего угодно! Но из того, что медицинский персонал клиники стоял вокруг со скорбным видом, а не кидался к Ольге со шприцами, кислородными подушками и капельницами, она с трудом умозаключила, что да, что сделать больше ничего нельзя. До чего же холодно... Среди лета. Даже в январе ей никогда не бывало так холодно.

– Нам всем страшно жаль, – бормотал своим баритоном доктор Зинченко, – но в медицине до сих пор много непредсказуемых ситуаций... Невозможно все предусмотреть... Держитесь стойко... Страшная неожиданность...

– От чего она умерла? – спросила Елена Леонидовна, вытирая платком нос. Под носом собралась капля – от холода, а не потому, что Елена Леонидовна плакала. Она не могла плакать. Она не способна была плакать, пока все не разъяснится. Когда все разъяснится, смерть Ольги будет полноценным несчастьем, а пока это чья-то дикая ошибка.

– От анафилактического шока. Во время премедикации – подготовки к обезболиванию. Почему она скрыла, что страдает аллергией? Может быть, сама не знала?

– Оля? Что вы говорите?! Оля прекрасно знала, что она аллергик, – сменная лихорадка ее посещала каждое лето. Она не стала бы скрывать, тем более от врачей... Вы что-то не то говорите!

– Но факт тот, что она нам не сказала о своей аллергии.

– А вы спрашивали?

Разыгралась омерзительная сцена – и вдобавок над Ольгиным трупом! Елене Леонидовне все время хотелось прикрыть мертвые глаза Ольги простыней, как будто они могли еще видеть этих безобразно вопящих, ругающихся, едва не дерущихся из-за нее людей, одна из которых – ее мать. Елене Леонидовне совали подписанную Ольгой бумажку о том, что никаких претензий она (ныне покойная) не имеет и о возможных последствиях (читай: о смерти?) предупреждена. Елена Леонидовна кричала, что в случае таких последствий никакие подписи юридической силы не имеют. Что за сумасшедший дом, отвечает здесь хоть кто-нибудь за что-нибудь? Ей кричали, что вернут деньги за операцию, если она так настаивает. Елена Леонидовна, с осипшим надорванным горлом, отвечала, что пусть они своими деньгами подавятся, ей нужна только справедливость. Под конец они все, во главе с Зинченко, начали ей угрожать, причем так тупо и нагло, что Елена Леонидовна, окончательно лишившаяся голоса, повернулась и ушла. Уже зная, куда она пойдет...

На месте Елены Леонидовны другая женщина, может быть, полностью растворилась бы в горе матери, потерявшей ребенка, а происшествие, которое стало причиной горя, отодвинулось бы на задний план. Но Елена Михайлова была не из таких. Не сказать, что ее снедала корсиканская жажда мести, но то, что ее дочь умерла в шикарной, рекламируемой повсюду клинике среди бела дня, не давало ей покоя. Поэтому заботы о похоронах совмещались у нее с хождением в прокуратуру. Сослуживцы знали, что Елена Леонидовна – женщина сильная и энергичная, а когда речь идет о дочери, она готова горы своротить. Дочери теперь ничем нельзя было помочь, но это ничего не меняло. Даже для мертвой Ольги Елена Леонидовна совершит все, что возможно.

Экспертизу по заданию прокуратуры провел доктор Великанов, вооружась заключением патологоанатома и заранее поставив себе ряд вопросов. Прежде всего, следовало узнать, были

ли занесены в амбулаторную карту Ольги Михайловой данные об аллергическом статусе. Если это условие было выполнено, тогда непонятно: как опытный врач Зинченко, зная, что она страдает сильнейшей аллергией, согласился оперировать пациентку с применением анальгетических средств, которые могут спровоцировать аллергию? И наконец, на случай анафилактического шока, который может возникнуть непредвиденно даже при соблюдении всех надлежащих мер, в перевязочных, процедурных и операционных должны храниться адреналин, преднизолон, пипольфен – почему их не ввели? Ну, на худой конец, если у больной при введении лекарства появилось чувство жара, удушья, головная боль, кожный зуд, резко понизилось давление или появились другие признаки анафилактического шока – почему хотя бы не наложили жгут выше места укола, препятствуя поступлению опасного лекарства в кровь, пока не подоспеет сестра или врач с раствором адреналина? Почему, почему, почему? Сотрудники «Клиники доктора Зинченко» по какой-то неизвестной причине намеренно погубили Ольгу Михайлову, или они попросту так непрофессиональны, что это могло случиться с любым пациентом?

Худшие подозрения относительно квалификации работников «Клиники доктора Зинченко» оправдались. Осмотр пациентов и сбор анамнеза перед операцией проводился формально – да, откровенно признаться, фактически не проводился, хватало чека об авансе. Если деньги заплачены, стоит ли тянуть резину и расспрашивать пациента о том, чем он за всю жизнь болел и нет ли у него аллергии! А вот адреналин, преднизолон, пипольфен в клинике водились – но, к величайшему сожалению, воспользоваться ими было некому, поскольку персонал не владел простейшими и обязательными для всех медиков навыками оказания первой медицинской помощи. Нонсенс, но, как выяснил Великанов, доктор Зинченко отбирал персонал для своей клиники по каким-то странным критериям, причем диплом и свидетельство о квалификации не играли никакой роли. Для медсестер главным критерием служили, очевидно, внешние данные: половина этих красоток не закончила медучилище. Что касается врачей, их главным козырем выступали свидетельства об окончании краткосрочных курсов пластической хирургии; не все из них могли даже предъявить дипломы о высшем образовании. Надо полагать, Иван Зинченко собрал эту шайку малообразованных врачей, чтобы самому выглядеть на их фоне корифеем, – в другом коллективе у него, проработавшего по специальности едва год, этот номер не прошел бы.

Анатолий Великанов направил обоснованное письмо в Минздрав. В нем он писал, что в такой сверхприбыльной отрасли российской медицины, как пластическая хирургия, сегодня работают люди алчные. В погоне за деньгами они не гнушаются ничем. Нередко они – слабые специалисты в своем деле. В США, чтобы стать пластическим хирургом, уже состоявшемуся доктору нужно проучиться по новой специальности семь лет. В России переподготовка занимает всего несколько месяцев. После чего в медбизнес приходит «специалист», который берет за час изменить внешность человека.

По результатам проверки Минздрав сделал выводы. Отныне одним из лицензионных требований и условий лицензирования является не только высшее медицинское образование у персонала, но и спецподготовка, стаж работы (не менее двух лет) по лицензированной специальности. Началась работа по утверждению косметологических методик...

А врач Иван Зинченко после заключения Великанова был лишен лицензии Департаментом здравоохранения Москвы. Его клиника перестала функционировать. Мошенник перестал зарабатывать бешеные деньги. Чем не мотив для убийства доктора Великанова?

Веня Васин в молчании выслушал драматическую историю Ольги Михайловой из уст Владиславы Яновны.

– Ну а потом Зинченко встречался с Великановым? – не мог не спросить он. – Может быть, звонил ему по телефону? Угрожал?

– Нет, ничего подобного я не помню. – Морщинка между бровями стала резче и заметнее. – Но разве это обязательно? Если человек по-настоящему решился мстить, он не станет спугивать объект прежде времени. А Зинченко был достаточно зол на Великанова, чтобы решиться мстить.

– Спасибо, что поделились со следствием своими подозрениями, – поощрил заведующую отделением Веня Васин. – Если еще какие-нибудь соображения появятся, высказывайте их, не стесняйтесь. А сейчас я все-таки хотел бы заняться историями болезней пациентов, которые имели основания жаловаться на Великанова.

Владислава Яновна раздосадованно тряхнула головой, заставив цыганские серьги издать мелодичное позвякивание. Одно из двух: либо она имела зуб против ушедшего со сцены Ивана Зинченко, либо была недовольна тем, что не удалось перевести на него стрелки с историй болезней, которые она по каким-то скрытым причинам не хотела обнародовать. Но ситуация не оставляла возможности выбора, и Владислава Яновна, взяв себя в руки, радушно молвила:

– Пожалуйста. Они в вашем распоряжении. Приступайте хоть сейчас.

Глава четвертая

Скальпель в свете софитов

Помимо пластической хирургии, у Анатолия Великанова незадолго до смерти появилась еще одна сфера деятельности, быть может, имеющая отношение к убийству: он принимал участие в новом телевизионном проекте. Телекомпания «Радуга» обогатилась, снимая реалити-шоу «Неотразимая внешность», в котором участников прямо перед камерой оперируют пластические хирурги. На самом деле проект, созданный продюсерами Мариной Ковалевой и Стасом Некрасовым, являлся клоном популярного американского реалити-шоу «Экстремальное омоложение», но так ли это важно, откуда он заимствован, если нравится публике? Опыт показывает, что на родных широтах с легкостью приживаются американские шоу... В проект «Неотразимая внешность» были включены двадцать участников, которые согласились на операцию перед камерой. В их числе были знаменитая писательница, автор милицейских детективов Анастасия Березина, актриса Екатерина Лощинина, снимавшаяся в популярных сериалах, джазовая певица Татьяна Антонова, чьим голосом пела не одна героиня советских фильмов... Оперировать знаменитостей должен был сам Анатолий Великанов и также известный, хотя и не такой популярный хирург Марат Бабочкин.

На Марата Бабочкина жаловалась Ксения Великанова, обвиняя его в подсиживании своего покойного мужа. Да и вообще, телевидение – область повышенной конкуренции, сопряженной с немалыми деньгами. Мало ли кому мог стать неуютен блестящий хирург? Так что для Глебова назрела необходимость съездить в телекомпанию «Радуга» и поговорить с продюсерами Мариной Ковалевой и Стасом Некрасовым.

Станислав Некрасов в некотором смысле Глебова потряс – правда, не как тот ожидал. Глебов предполагал, что он столкнется с превосходным профессионалом, но потрясение лежало в области внешнего эпатажа. Видно по всему, этот словоохотливый и довольно-таки смазливый молодой человек уделял огромное, ни с чем не сравнимое внимание растительности на своей голове. Наверное, он считал, что продюсера видно по прическе, и постарался сделать ее как можно более оригинальной, выбрив половину головы наголо, до зеркальной гладкости, точно он пользовался какими-то средствами для удаления волос. На другой половине беспорядочно торчали, точно сорняки на нестриженном газоне, белые щетинистые космы. Все вместе живо напомнило Георгию Яковлевичу занятия по истории криминалистики, на которых описывали похожий тип прически – по ней опознавали в России XIX века беглых каторжников... Растительность на подбородке тоже выглядела достаточно оригинально: Стас Некрасов носил диджейскую козлиную бородку, с которой во времена глебовской молодости журнал «Крокодил» постоянно изображал на карикатурах дядю Сэма. К бородке и прическе на редкость подходили коротковатые, выше щиколоток, широкие серо-сиреневые портки в розовый цветочек, точно сшитые из любимого рядна какой-то провинциальной прабабушки, а также синий шерстяной пуловер, сплошь исписанный надписями на трудноидентифицируемом языке. Судя по обилию восклицательных знаков, надписи служили лозунгами. На ногах Стас демократично терпел белые кроссовки и белые, с тонкими красными полосками, носки, которые выставлялись на полное обозрение короткими штанинами.

Общее заключение относительно внешности Стаса Некрасова, сформулированное Глебовым, конечно, не вслух, звучало так: «Ну и чучело!»

Чучело? Скорее всего, да – на взгляд человека, не причастного к чарующему телевизионному миру. Однако Стас Некрасов был очаровательным чучелом. Он был влиятельным чучелом. Он был чучелом, от которого многое зависело – судя по тому, что во время прохода по коридорам «Радуги» в сопровождении Глебова его буквально рвали на части. Стаса спраши-

вали о времени следующего выхода в эфир, о полетевших софитах, о заболевшем осветителе и обо всем подобном. И только ленивый не спрашивал:

– Стас, а это кто с тобой? Представь своего друга...

– Герой новой передачи, – отвечал Стас, таща за собой Глебова. Отвечал он, как и вообще разговаривал, с такой почавкивающей артикуляцией, точно перекатывал жевательную резинку во рту.

Они остались наедине, только закрыв за собой задвижку на двери комнаты, служившей, по-видимому, рубкой для озвучивания или чем-то вроде того. Стеклянная перегородка. Стол с наушниками. Наушники висят также и на штативе. Неизвестная Глебову, но, кажется, звукозаписывающая аппаратура. Вроде магнитофонов, подсоединенных к компьютеру, только более совершенных. Стулья хаотически разбрелись по всей комнате, кое-где образуя скопления, но никак не координируясь со столом. Молча подвинув Георгию Яковлевичу стул, Стас выдернул из скопления за спинку другой и сел напротив. Всем своим видом он показывал, что у них тут, в «Радуге», запросто, без церемоний. И следователю рекомендуется быть проще, влиться в общий поток. Тогда с ним, как со своим, поделаются всем, что знают.

– А я как-то, между прочим, не понимаю, что мы вам можем сказать, – перехватил инициативу продюсер Некрасов. – Скорбим, да. Жаль. Все мы смертны. Печальная участь рода человеческого. Мы уходим, но остаются на земле дела наших рук. Анатолий Великанов за неделю до того, как его убили, прооперировал пациентку, и сейчас она проходит реабилитацию в одной из клиник. Жизнь продолжается.

Все это – и о печальной участи, и об убийстве – Стас проговаривал так, будто речь шла о курсе доллара или об атмосферном давлении.

– Кто эта пациентка?

– Писательница Анастасия Березина.

– Я могу с ней поговорить?

– Жаль отказывать, но – не можете. Плохое самочувствие, посленаркозные осложнения, бред и все такое. Кроме того, пока лицо не зажило, она не позволит никому на него смотреть. Из-за этого она разволнуется и, как знать, может выдать неправильные показания. Вы же знаете женщин – как много у них зависит от внешней привлекательности! – Стас многозначительно провел ладонью по выбритой половине головы, деликатно намекая, что внешняя привлекательность важна не только для женщин. – Если мы выдадим вам Анастасию в таком состоянии – все, проект можно пускать под нож. – Стас чиркнул ребром ладони поперек горла, оскалив зубы, как дикий абрек. – Коммерческая тайна, ну, меня компрене? Скоро у нее все заживет, и вы получите Березину в полное распоряжение... Правда, она и так в вашем распоряжении: она же милицейские детективы пишет, если не ошибаюсь. Не ошибаюсь? Странно, что не читал. Правда, ума не приложу, что она вам может сказать? Она Великанова видела только под наркозом!

Речь Стаса представляла собой отдельный дивертисмент, что-то вроде циркового номера, где гимнасты исполняют на трапециях разнообразные элементы. Слова его, вместе как будто образуя единое целое, по отдельности как-то рассредоточивались, так что неопытный слушатель терялся, за каким из них следить, – прием этот, наверное, очаровывал телевизионную публику. Но Глебова трудно было назвать неопытным, поэтому он, отложив до поры до времени вопрос об Анастасии Березиной, продолжил задавать вопросы:

– А с Маратом Бабочкиным могу я поговорить?

– Можете. Правда, если найдете.

– Он сбежал?

– Нет, с какой стати? Мы с ним постоянно созваниваемся, но он даже мне не признается, где он территориально пребывает. Марат Бабочкин сразу же после убийства обратился к услугам одного из ЧОПов и сейчас находится под охраной детективов.

– Он чего-то опасается?

– Почему мне знать! Я его не пасу. Наверное, опасается маньяка, который убивает исключительно пластических хирургов – участников телевизионных шоу. – Стас громко хмыкнул, на случай, если до следователя не дошло, что это шутка.

– А кто, по-вашему, мог убить Великанова? У него были враги на телевидении?

– О нет, это – нет! – Стас замахал руками. – По поводу убийства у меня нет никаких версий! Так и запишите.

– Может быть, враги были у проекта «Неотразимая внешность»? Или у вас лично?

– У меня? Сколько угодно. У проекта? Конкуренты не спят. Но – убивать? Нет, нет! Если даже так, чего они добились? Проект ни в коем случае не остановлен. Клиника «Идеал» будет продолжать работать, но уже без Толи Великанова. Помимо этого есть и вторая группа пластических хирургов из клиники «Кристина» под руководством доктора Марата Бабочкина.

– А он намерен работать? Или убийство так его потрясло...

– Будет, будет! Это у него пройдет!

– А есть еще в шоу люди, которые отказались работать из-за убийства?

Против обыкновения, Стас не принялся тотчас же частить словами, а раскрыл рот, упершись глазами в кого-то позади Глебова. Глебов обернулся – в комнату вплыла женщина... Если возраст Стаса так же невозможно было определить, как возраст экзотического животного, то вошедшая выглядела лет на тридцать пять. Не красавица, но и не чудовище – темно-русая толстушка со стрижкой «каре», консервативно облаченная, как бы в пику своей фигуре, в прямую серую юбку ниже колен и бесформенную коричневую кофту на некрупных роговых пуговицах. Рядом со Стасом она выглядела добропорядочной старшей сестрой хулиганистого брата. Сравнение усугублялось тем, что ее вдруг обнаруженное присутствие заставило Стаса напрячься и даже как бы оробеть.

– Марина... а я тут объяснял гражданину... то есть господину следователю Глебову...

– Я поняла, Стасик, – мимоходом, как бы погладив собаку, успокоила Стаса та, которая, по всей очевидности, была не кем иным, как Мариной Ковалевой. Далее она обращалась прицельно к Глебову, словно присутствие такого феномена, как Стас, игнорировалось по определению: – Смеем вас уверить... Георгий Яковлевич? Смеем вас уверить, Георгий Яковлевич, все участники реалити-шоу происходящее поняли правильно и поэтому остались в проекте. Если у кого-то временно сдали нервы, это не причина хоронить «Неотразимую внешность». Следующая передача выйдет в эфир, как намечено.

Марина Ковалева – не чета Станиславу Некрасову! После ее пятнадцатиминутного допроса Глебов взопреп. Кроме того, он чувствовал себя так, будто на протяжении этих пятнадцати минут бился в железобетонную стенку. Марина выкладывала ему в принципе то же, что Стас Некрасов, но делала это так уверенно, что факты, которые в передаче Стаса приобретали неуловимую разъезжающуюся двусмысленность, у нее преподносились как истина в последней инстанции и не требовали дополнительных уточнений. Всякое «нет» у нее имело статус абсолютного запрета, всякое «да» – непостижимой прямоты. И интересы шоу... Да, интересы шоу значились у Марины Сергеевны на первом месте.

По завершении этого нелегкого визита Георгий Яковлевич взял себе на заметку две вещи. Во-первых, мыслительным и волевым центром проекта «Неотразимая внешность» выступает, безусловно, Марина Ковалева. Во-вторых, за фасадом реалити-шоу вполне может что-то скрываться. Чтобы это выяснить, мало взгляда с продюсерской стороны. Необходимо встретиться с рядовыми, точнее, богатыми и знаменитыми участницами шоу.

А кроме того – кровь из носу! – надо хоть из-под земли достать врача Марата Бабочкина!

Знал бы Глебов, что Ксения Великанова, говоря о пациентках, которые идут на пластическую операцию в надежде, что она преобразит их жизнь, отчасти имела в виду себя! С тем

отличим, что ее никак нельзя было назвать психически неуравновешенной особой – скорее, чересчур уравновешенной. И еще – в результате операции жизнь ее действительно изменилась...

Начать с того, что изменение внешности стало первым труднореализуемым желанием в Ксениной жизни. В предшествующий период единственная, на старости лет рожденная дочь Михаила Олеговича Маврина получала все, что угодно, прежде чем успевала этого захотеть. Игрушки, книжки? В преизбытке. Заграничные поездки? Музейные сокровища Лондона, Парижа, Мадрида и Венеции помогали формированию чувства прекрасного. Живую лошадь? Ко дню двенадцатилетия. В иняз Ксения Маврина поступила не моргнув глазом, не успев перенапрячь над пособиями для абитуриентов свой молодой и гибкий ум.

В результате Ксении не хотелось ничего. С говорящими куклами и огромными плюшевыми зверьми она играла мало, скорее для того, чтобы удовлетворить родителей. Лошадь пришлось продать в спортивную секцию. Иностранные языки давались легко, и к этому своему таланту Ксения относилась пренебрежительно, как к чему-то подсобному. Переводы у нее получались неплохие; преподаватели хвалили стиль и спрашивали, не пробовала ли она писать. Ксения в течение длительного времени подумывала, не накатать ли ей роман о буднях обитателей Рублевского шоссе, но думала она так неторопливо, что дождалась, что эту тему перехватила Оксана Робски, а больше Ксении писать было не о чем. Да и вообще, литература – это не для нее. А что для нее? Чтобы заполнить пустоту, Ксения изредка пробовала на молодежных пати наркотики, но не подседала, каждый раз убеждаясь, что байки по поводу измененного состояния сознания здорово преувеличены: глюки так же скучны, как реал. А может быть, ее изнуренный скукой мозг не в силах выжать из себя даже интересных галлюцинаций...

Часами валяясь на постели или разглядывая себя в зеркале, Ксения размышляла на тему, что, если бы она родилась в бедной семье, у нее была бы сильная воля. Она усвоила бы с первого класса школы, что, если хочешь вырваться из нищеты и удержаться на приличном уровне, надо круглосуточно вкалывать. Вкалываешь – лопаешь шоколадки, перестанешь вкалывать – никакой шоколадки тебе не будет. А попробуй тут вкалывать, если шоколадки вокруг валяются, только руку протяни! Когда тошнит от них... Впрочем, от вкалывания тошнит тоже. А сильнее всего тошнит от самой себя.

Смотрение в зеркало, сопровождаемое такими мыслями, постепенно заставило Ксению возненавидеть собственную внешность. Вроде бы охаивать нечего: натуральная блондинка, правильные, хотя и мелкие, черты лица – а в целом получается нечто размытое, бесхребетное. Одна радость, что не урод... Радость? Уроды, и то больше внимания привлекают! Мимо Виты Целлер, с которой она училась в одной группе, ни один мужчина не пройдет, не оглянувшись на ее длиннейший буратиний нос и толстые красные губы, и в результате у Виты отбоя нет от поклонников. А мимо Ксении проходят, как мимо пустого места. Смотрят на нее только из любопытства, направленного на ее папу: «Это Маврина? Дочь самого?» – «Она». – «Ну и как?» – «Так себе, ничего выдающегося».

Не зная, как изменить свою жизнь, Ксения решила изменить хотя бы внешность.

Это был первый семейный скандал такого масштаба! Как домашняя девочка, Ксения не могла не сообщить родителям о том, что собирается лечь на пластическую операцию, тем более что на операцию требуются большие деньги. Михаил Олегович схватился за сердце, а потом встал на дыбы. Забыв о том, что когда-то хотел мальчика, он относился к дочери, как к своей главной сбывшейся мечте, видя в ней предельное, до последней черточки, совершенство, осуществленное его усилиями. Ему мерещилось, будто он при зачатии вложил в утробу жены некий генеральный проект, в соответствии с которым ребенок должен расти и развиваться все последующие годы. Теперешняя Ксения из проекта не выбивалась: чертами лица, волосами, крепенькой фигуркой без выраженных груди и талии она как две капли воды походила на Михаила Олеговича в молодости и – через него – на незабвенную его мать Наталью

Гавриловну, Ксенину бабушку, которая умерла за десять лет до рождения внучки. Что же эта шмакодявка удумала? Предать отца, предать свой род? На что ей, спрашивается, другая внешность, чем ей плоха эта, которую она унаследовала с мавринскими генами?

Ксении никогда еще не доводилось попадать в эпицентр такого цунами! Она неоднократно слышала, как папа кричит на подчиненных, но чтоб на нее? Мама робко попробовала его успокоить, а обнаружив, что ничего не получается, тихонько ретировалась в свою спальню. В отличие от нее, Ксения не испугалась ничуть. Она росла слишком послушным, бесконфликтным ребенком и теперь почти наслаждалась семейной грозой. Может быть, это и есть настоящая жизнь? Ксения с любопытством выжидала развития событий...

События затянулись на два с лишним месяца, то взрываясь активными боевыми действиями, то затухая и переходя в партизанскую войну. В конце концов, не сдержавшись, Михаил Олегович отвесил дочери пощечину и, напуганный своим поступком, отдернул руку, точно от раскаленной сковороды. Щека загорелась пламенем, на трепещущие ресницы навернулись слезы – Ксению никогда не били! Пощечина решила исход войны: Михаил Олегович, чувствуя себя виноватым, изъявил готовность выделить на пластическую операцию столько денег, сколько потребуется.

– Но учти, – подытожил он, – я тебя не отдам первому попавшемуся коновалу. Много их теперь развелось – туда же, с дипломами... Найдем самого лучшего врача.

Анатолий Великанов – самый лучший! Это Ксения поняла, едва увидела его – в сиянии зимнего утра, на фоне морозного стекла, где солнце образовало подобие нимба вокруг головы, с которой хирург только что снял форменную зеленую шапочку. И еще – какой-то вдруг зашевелившейся внизу живота теплой точкой, о которой раньше не подозревала, – поняла, что опасения ее насчет своей жизни напрасны: она способна желать. Да еще как! Когда такое желание посещает людей, вялых оно делает энергичными, слабых – сильными, робких – беспредельно храбрыми. Ксения, которая из скромницы вдруг за считанные секунды превратилась в бесстыдницу, отдавала себе полный отчет в том, что хочет этого мужчину. И готова совершить что угодно, пройти по чьим угодно трупам, только чтобы Анатолий Великанов принадлежал ей. Ей одной.

Он был самым лучшим. Таким и останется. Если Толя видит ее с того света, пусть простит за то, что ей пришлось кое в чем солгать следователю... Точнее, кое о чем умолчать. Солгать умолчанием. Она сделала бы это снова, даже если бы точно знала, что это направит следствие по неверному пути.

Это ложь во спасение. Так надо – чтобы сияющий прижизненный облик Анатолия Великанова не омрачила грязная тень...

К Марии Сильницкой, гендиректору журнала «Всходы», который спонсировал и где печатался Анатолий Великанов, Георгий Яковлевич пришел самолично. Он мог бы вызвать ее на допрос к себе в кабинет, но ему страшно хотелось самому взглянуть изнутри на редакцию «Всходов», так как подобные учреждения и их работники вызывали у него воспоминания... Когда-то, по молодости, будучи еще опером, Глебов писал плохие милицейские стихи и посылал их в редакции разных журналов. Надо отдать должное редакционным работникам, которые в те советские годы не напрасно ели свой хлеб: ни одно письмо не осталось без отзыва. Отзывы приходили в конвертах с особыми штампами. Жора Глебов вскрывал их трясущимися руками с замиранием сердца – чтобы получить в высшей степени критический разбор строчек, выступавших тогда квинтэссенцией его тревожной жизни. Разбор завершался вежливым пожеланием молодому таланту больше работать над стихами и чаще читать поэтов-классиков. Жора не хотел видеть в пожелании больше работавшую завуалированную просьбу никогда не отсылать свои рукописи и воспринимал это буквально: писал новые стихи. Писал, писал и писал...

На втором году поэтических мытарств, не довольствуясь письменным общением, опер Глебов принес стихи в редакцию лично, чтобы так же лично прийти за ответом спустя неделю. Эту неделю он пережил, точно критический период болезни, утратив сон, аппетит и здоровое ощущение действительности. Если бы не работа, сдох бы, как пить дать. Направляясь снова по редакционному адресу, готовился к встрече с литературным консультантом, судя по имени-фамилии – женщиной. Эта женщина представлялась не искушенному в литературных делах Жоре высокой и красивой, как Натали Гончарова на картине, где она под руку с Пушкиным поднимается по лестнице царского дворца, и язвительно-остроумной, как майор Демченко, его непосредственный начальник. А за письменным столом, заваленным грудями чужих рукописей (судя по толщине, попадались там поэмы, а то и романы в стихах), сидела, едва над ними возвышаясь, коротенькая старушка с кое-как покрашенным в рыжий цвет пучком волос, начесанным на крупные уши, оттянутые серьгами, похожими на пуговицы от пальто. Говорила вяло, скорее цедила, в час по чайной ложке – и притом что-то нудное, уклончивое, необязательное... И это – литератор, специалист в области поэзии? Среди милиционеров, да что там, среди уголовников Жоре сплошь и рядом попадались более интересные, вдохновенные и поэтические люди. И вот такому фуфлу доверен отбор стихов для ведущего литературного журнала СССР? Столкнувшись с реальностью, Жора бросил писать. И хотя впоследствии Глебов, улучшив свой вкус, признал, что стихи его были так себе, это не способствовало в его глазах реабилитации работников журналов. Впечатление убогости и нелепости осталось с ним навсегда.

Так что теперь ему было любопытно: изменилось ли что-то в редакционном мире?

Ну конечно же изменилось! Если прежняя увиденная Глебовым редакция походила на овощехранилище, где вместо овощей были рукописи, то теперешняя – на офис. Типичный офис: на окнах – жалюзи, на столах – компьютеры. Бумаг – минимум. Вот только сотрудники мало походили на клерков: все, как на подбор, энергичные, раскованные, они свободно отвлекались от бумажной рутины, часто работали на компьютере, общались друг с другом, хохотали над понятными только им шутками, обсуждали такие заумные, с точки зрения следователя, вещи, как конфликт между постмодернизмом и модерном, причем постмодернизм, с их точки зрения, тоже достоин был того, чтобы отправить его в утиль. Среди них было много молодежи, и это отчасти изгладило призрак старушки-литконсультанта, по-прежнему витавший перед Глебовым.

Мария Сильницкая не выглядела юной девушкой, но и старушкой ее было трудно назвать. Подтянутая, с умеренным количеством косметики на оживленном приветливом лице, с простой короткой стрижкой, она сохраняла в себе что-то студенческое. Одета в джинсы, полосатую рубашку и теплый вязаный жилет – рационально, удобно, демократично. Сильно и резко, по-мужски пожав руку следователю, представилась: «Мария Ашотовна. Маша», – свергнув Георгия Яковлевича в сомнения, действительно ли она предлагает называть себя Машей или это обычная дань современной, демонстративно игнорирующей возраст вежливости. Все-таки он вывернулся, заявив: «А я Жора», – и в дальнейшем без церемоний перешел на обращение «Маша». Тем более что имя такое родное – его дочки имя...

– Среди литераторов у Толи врагов не было. – По всему видать, не промахнулся Георгий Яковлевич: в этой среде все, повально все, до седых волос – Толи, Маши, Нины, Жоры... – Исключительно друзья. Знаете, дружба писателей – амбивалентная вещь, все равно что терриум единомышленников. – Она многозначительно хмыкнула. – Но Толя – совершенно особый случай. Как литератор, он не был честолюбив. В то же время он был настолько известен как врач, настолько обласкан в этом смысле и вниманием, и наградами, что литературная слава представлялась ему... лишней, может быть. Он был яркой личностью, он имел право выбирать. В то же время принадлежность к литературной среде, по-моему, ему нравилась.

– Он что-нибудь писал?

– В основном статьи о состоянии современной медицины в России. Они всегда вызывали широкий читательский резонанс. – В этом словосочетании «читательский резонанс», точно в капле воды, мелькнула для Глебова старая редакция, заваленная пыльными рукописями. Только в нем и мелькнула... – Написаны отличным языком. Я всегда, готовя их для печати, восхищалась Толиным умением обращаться со словом. Ставила его в пример молодым журналистам, но, по-моему, напрасно: этому невозможно научить, это врожденный дар.

– А кроме статей?

– Сложный вопрос. – Мария Ашотовна еле приметно нахмурилась, будто сложный вопрос царапнул ее чувствительное сердце. – Скажу вам, что если бы Толя Великанов посвятил себя литературе, оставив другие дела, он мог бы претендовать на значительное место среди авторов.

– Маша, он вам показывал свои... произведения?

– Скорее, наброски. Я бы не удивилась, если бы через несколько лет Толя объединил их в большое произведение – возможно, роман.

– Что за роман?

– Проза с намеком на автобиографичность. Знаете, книга, которую может оставить после себя любой человек, конечно, не лишенный литературного дарования. – Это книга о своей жизни.

– Ну а вкратце? О чем была бы книга Великанова, если бы он ее написал?

– О непонятости.

– Не понял...

– Думаю, и Толю немногие поняли бы, если бы он завершил этот роман. Повествование велось от лица человека, чьи мысли и чувства недоступны окружающим. Окружающие предпочитают видеть в нем кого угодно, только не того, кем он на самом деле является.

– Кто его конкретно не понимал? Семья? Коллеги?

– Жора, давайте не будем примитивизировать! Автобиографичность означает здесь скорее не буквальное следование натуре, а интимность, лиричность переживаний. При чем здесь грубая конкретика? При чем здесь коллеги? Главный герой набросков Толиного романа был не медиком, а художником.

– Великанов разбирался в живописи?

– Да, и, по-моему, для любителя неплохо. Его влекли самые разные области искусства. Он был многогранным человеком, и мне безумно жаль, что он сумел реализовать себя едва ли на десятую часть...

Услышав, что Великанов не описывал собственную жизнь в том тривиальном аспекте, который может пригодиться следователю, Георгий Яковлевич потерял к теме всякий интерес. Художник, фу-ты, ну-ты, скажите на милость! Эти творческие личности – ну чисто дети малые, которые примеряют на себя маски то короля, то волка, то ведьмы... Недостаточно им быть самими собой! Наверное, самокритично подумал Глебов, я все-таки личность нетворческая, потому что мне полностью хватает себя. И своей семьи. Словом, строить из себя кого-то еще не возникает необходимости.

Задав еще несколько необязательных вопросов о взаимоотношениях Анатолия Великанова с различными членами «всходовской» редакции, Глебов откланялся, чувствуя, что полностью разобрался с воспоминанием о тех давних отвергнутых стихах. Если бы его стихи (чем черт не шутит?) одобрили, то... то он мог бы превратиться в творческую личность. И кончить, как Великанов. А так, он жив и расследует дело об убийстве Великанова. Каждый сам отвечает на вопрос, какая альтернатива из предложенных ему больше подходит, но что касается Глебова, его вполне устраивает то, что есть.

Иван Зинченко откусил хвостик дорогостоящей, подлинной кубинской сигары. Не спеша, с удовольствием. Никогда не следует торопиться в таких вещах. Торопиться можно во всем другом... Странно подумать, какой хлопотной жизнью жил он раньше! Присесть не дадут, сразу зовут к больному, или информируют, что операция прошла не так хорошо, как планировалось, или паникуют, что очередная пациентка задумала взыскать с них огромную денежную компенсацию за свой нос, который оказался не таким прямым, как она хотела, или за морщины, которые, будучи убраны в одних местах, проступили в других... Мрак! Бред! Полный кошмар! Нет, то, что он по стопам отца поступил в медицинский институт, было крупнейшей ошибкой и Ивана Зинченко, и его родителей. Он никогда не хотел быть врачом, он хотел зарабатывать большие деньги. Конечно, он всегда мечтал о том, чтобы деньги появлялись у него в бумажнике просто так, сами по себе, безо всяких усилий с его стороны; но если эта мечта принадлежит к несбыточным, пожалуйста, он готов заработать. Вот только медицина в период, переходный от социализма к капитализму, предоставляла для этого слишком мало возможностей. Что делать? Ожидать, пока этот переход до конца завершится и высококлассный специалист сможет много зарабатывать и в России. Но этот период на нашей холодной почве может тоже затянуться лет на семьдесят, а ждать столько времени, профессионально совершенствуясь и потуже затягивая пояс, глотая слюну при виде более смелых и удачливых, для Зинченко представлялось невыносимым. Нет, он не из таких! Поэтому, все рассчитав и взвесив умом прирожденного бизнесмена, Иван Зинченко основал клинику по самой ходовой специальности: пластическая хирургия. Пришлось, правда, перед этим чуток подучиться, но слегка, не перенапрягаясь, так как учиться Зинченко не любил. «Лучше иметь синий диплом и красное лицо, чем красный диплом и синее лицо» – так парировал он в студенческие годы шутки соучеников по поводу его постоянных пересдач...

Ну и что же, что «Клинику доктора Зинченко» постигла такая плачевная участь? Все-таки перед крушением денег изрядно заработали: вложения в рекламу полностью окупились. Конечно, к этой бы рекламе еще и профессиональное мастерство, которое помогло бы им оказывать рекламируемые услуги так, чтобы клиент оставался доволен... Но тут, извините, что-нибудь одно: нельзя сидеть на двух стульях одновременно. Зинченко выбрал чистый бизнес, без примеси медицины. Чистейшее, если хотите, облапошивание. И оно действовало! Несмотря на активность недовольных клиентов, они не сумели закидать его грязью до такой степени, чтобы народ перестал к нему валом валить. И если бы не эта девушка... как же ее звали? Ах да, Ольга... работали бы и по сей день.

По отношению к Ольге Михайловой Иван Зинченко не испытывал сейчас ничего: ни жалости, ни ненависти, ни чувства вины. Кого здесь винить, что он не смог ее спасти? Анафилактический шок – редкий случай. Хотела избавиться от капиллярной сеточки, получила смерть в придачу. Чистая философия. Естественная убыль. Раз на раз не приходится. «У каждого врача есть свое кладбище», – любил говаривать папеч. Папочка у него врач не слишком талантливый и не слишком удачливый, это Зинченко-младший понял еще на втором курсе мединститута. Хотя, понятно, после того как зарежешь на операционном столе пациента из-за трясущихся с похмелья рук, особенных перспектив в профессии ждать не приходится. Обычная история: папеч в жизни не смог добиться того, о чем мечтал, поэтому хотел, чтобы сын компенсировал его неудачи за него. Видел в сыне свое отражение. А зря. Если бы не толкал Ивана в медицину, которую тот ненавидел, а позволил ему поступать в экономический, Ольга попала бы на операцию к по-настоящему квалифицированному врачу и жила бы по сей день.

А может быть, и нет! Ему ли не знать о состоянии нынешней пластической хирургии на родимых российских просторах? Ну, не он, так другой. Как говорится, все там будем... По отношению к Ольге Михайловой Зинченко не в состоянии был выжать из себя даже крошечной слезинки.

По крайней мере, можно считать, что Зинченко искупил свою вину тем, что впредь никто не умрет от его руки. Когда его лишили лицензии, он предпочел расстаться с медициной, хотя такого решительного поступка от него никто не требовал. Как раз в это самое время старый друг, с которым они играли в одном дворе, основал фирму по торговле автомобильными запчастями, и ему требовались помощники. На то, что в его фирме будет работать человек с подмоченной репутацией, чье лицо еще несколько месяцев назад с мушиной назойливостью мелькало по всем программам, старый друг великодушно закрыл глаза... И не прогадал. А Иван Зинченко наконец-то смог найти приложение своим способностям в настоящем бизнесе. Ему понравилось. Он пошел вверх, не останавливаясь на достигнутом... Да, признаться, он наконец-то нашел то, что искал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.